

Св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдоксія.

(Продолженіе) ¹⁾.

Въ первой части нашего очерка мы изложили причины, вооружившія императрицу Евдоксію противъ Іоанна Златоуста, и рассказали о преслѣдованіяхъ Златоуста со стороны императорскаго двора, интригахъ его соперниковъ, соборномъ изложеніи и ссылкѣ его въ Виѣннiю, потомъ о его немедленномъ возвращеніи по просьбѣ императрицы, ужаснувшейся землетрясенія, наконецъ о его возстановленіи на епископской кафедрѣ и мирѣ заключенномъ у алтара. Между тѣмъ за этимъ, скоро забытымъ, примиреніемъ наступаетъ новый рядъ гораздо болѣе трагическихъ явленій, которые привели Константинополь на край гибели, а Златоуста къ смерти.

1. Миръ, повидимому искренній съ той и другой стороны, на самомъ дѣлѣ могъ быть только краткимъ и хрупкимъ перемиріемъ: между архіепископомъ и императрицей накопилось за два года слишкомъ много взаимныхъ упрековъ и естественныхъ антипатій другъ къ другу, а вокругъ нихъ волновалось слишкомъ много своекорыстныхъ страстей, чтобы дѣло могло пойти иначе. Притомъ, императрица перемѣнилась было въ отношеніи къ Златоусту, собственно говоря,

¹⁾ Настоящее продолженіе статьи Лмедея Гьерри, начало котораго переведено въ Трудѣхъ К. Д. А. за ноябрь 1867 и февраль 1868 года; помѣщено въ журналѣ «Revue des deux mondes» 1869 г. во второй майской книгѣ.

по чувству сверхъестественнаго трепета предъ человекомъ, защищаемымъ самимъ Богомъ; но скоро нашлись люди и при дворѣ и при церкви, которые постарались объяснить ей всю естественность такого явленія природы. По мѣрѣ того, какъ у этой женщины проходилъ суевѣрный страхъ спасительнаго предостереженія, она стала возвращаться къ прежнему: въ ея дворцѣ опять появились ея пріятельницы съ ихъ злословіемъ и интригами,—и Златоустъ опять сталъ для придворныхъ льстецовъ предметомъ антипатіи и сарказмовъ.

Съ своей стороны и Златоустъ безпокойнымъ взоромъ наблюдалъ подобныя движенія, а нѣкоторыя распоряженія его могли показаться приготовленіями къ защищенію себя. Со времени своего торжественнаго возвращенія въ Константинополь и на каѳедру, со времени публичнаго раскаянія предъ нимъ гордой императрицы, его вѣра въ собственную свою силу еще болѣе увеличилась: онъ чувствовалъ, что народъ готовъ служить ему и повиноваться его слову и что его боится даже самъ императоръ. Такими обстоятельствами онъ воспользовался для того, чтобы окружить себя духовенствомъ, которое бы не расходилось съ нимъ въ своихъ желаніяхъ; очевидно, что и спокойствіе его церкви могло быть упрочено только этимъ. Во время памятной ночи, когда весь народъ, опьяненный отъ радости, повлекъ его въ церковь и насильно возвелъ на каѳедру, въ присутствіи Аркадія и Евдокіи, изъ толпы слышались сильные крики: «епископъ, очисти свое духовенство и прогони измѣнниковъ», а самъ онъ отвѣчалъ, что «поступить по указаніямъ своего народа и благочестивѣйшей императрицы». Онъ дѣйствительно приступилъ къ очищенію не медленному: подозрительные клирики были увольняемы, а вѣрные повышаемы въ должностяхъ. Діаконъ Тигрій, возведенный въ санъ пресвитера, остался при Златоустѣ, а Серапіонъ получалъ гераклійское епископство во Фракіи, ва-

кантное послѣ бѣгства или низложенія епископа Павла, который помогаль Теофилу и даже председательствовалъ на соборѣ, осудившемъ Златоуста. Вообще награды щедро сыпались на клиръ, заявившій свою вѣрность и мужество во время опасности, и константинопольское духовенство, послѣ такой реформы, представляло теперь тѣло болѣе однородное и тѣснѣе связанное съ своимъ епископомъ. Народъ рукоплескалъ этимъ наградамъ и наказаніямъ. Совѣтовался ли съ нимъ Златоустъ, по своему обѣщанію,—мы этого не знаемъ; но достоверно, что онъ не совѣтовался съ Августой.

Событія быстро шли къ тому предѣлу, когда достаточно малѣйшаго случая для начала войны. Поводъ данъ былъ ненасытимою горделивостію Евдоксіа. Эта полуварварка, возведенная интригами евнуха на второй престолъ римскаго міра, домогалась такого величія, о какомъ не смѣли мечтать гордые патриціанки древняго Рима—супруги цезарей. Мы знаемъ, что многія императрицы получали торжественныя почести, но—какъ матери или супруги императоровъ, такъ что эти почести относились къ императорамъ; потому что по римской конституціи императоръ былъ живымъ божествомъ, воплощеніемъ народа, передаваемаго ему всѣ свои права, и на этомъ основаніи участвовалъ въ культѣ богини Рима. Въ такомъ именно смыслѣ воздаваемы были почести во время первой имперіи Ливіи, Агриппинѣ, Юліи Северѣ, Юліи Мезѣ и другимъ, а позже—Еленѣ, матери основателя Константинополя, и Флацилѣ, любимой супругѣ Θεодосіа Великаго и матери двухъ царствующихъ императоровъ. Евдоксіа же стремилась къ гораздо большему. Она добилась отъ своего слабаго супруга права *быть обожжаемой*, подобно самому императору, въ ея изображеніяхъ, проносимыхъ изъ одной области въ другую съ церемоніаламъ присвоеннымъ Августамъ. Такой поступокъ привелъ въ негодованіе весь западный римскій

міръ, видѣвшій въ немъ оскверненіе святыни императорскаго самодержавія, которое не могло быть принадлежностью женщины, и нарушеніе римскихъ нравовъ. Гонорій горько упрекалъ въ этомъ брата, но тотъ не слушалъ его. Статуя Евдоксіи была представлена для поклоненія народамъ востока, не раздѣлявшимъ, нужно сказать, западныхъ предубѣжденій на этотъ счетъ и привыкшимъ въ своей исторіи къ знаменитымъ царицамъ. Тщеславіе Евдоксіи должно бы было удовлетвориться этимъ. Но ей нужна была еще статуя въ стѣнахъ столицы имперіи,—и сенатъ опредѣлялъ поставить ей статую на главной площади, противъ дворца, гдѣ были главные засѣданія, а также недалеко отъ византійскихъ ростръ, этой смѣшной копій съ ростральной римской трибуны, на которую восходили нѣкогда Гракхи, Гортензіи и Цицероны.

Здѣсь мнѣ необходимо войти въ нѣкоторыя подробности о форумѣ и окрестныхъ зданіяхъ для уясненія послѣдующихъ происшествій. Форумъ (или площадь), избранный для тщеславія Евдоксіи, представлялъ обширный четверугольникъ, пересѣкаемый съ юга зданіемъ сената или великою куріей, съ сѣвера лицевою стороною храма св. Софіи, съ востока и запада богатыми зданіями придворныхъ лицъ и знатныхъ гражданъ. За куріей на гораздо меньшемъ форумѣ возвышался императорскій дворецъ—жилище Аркадія и его семейства; противъ лицевой стороны св. Софіи, на концѣ боковыхъ сторонъ площади, открывалось широкое пространство, прилегавшее съ востока къ Босфорскому кварталу, а съ запада къ Термамъ Констанція и составлявшее одну изъ самыхъ многолюдныхъ улицъ города. Среди площади представлялась земляная насыпь, обставленная разноцвѣтными мраморными плитами, и на ней находилась трибуна, откуда императоръ или его представители говорили къ сенату, народу и войску: на этомъ-то мѣстѣ была воздвигнута на порфировой колоннѣ

статуя Августа изъ массивнаго серебра. Представленная въ императорскихъ облаченіяхъ, въ повелительной позѣ, Евдоція какъ будто господствовала отсюда надъ храмомъ, дворцомъ, городомъ и засѣданіями сената въ куріи. Эта великая курія, насупротивъ коей императоръ Констанцій воздвигъ храмъ св. Софіи, была произведеніемъ его отца Константина, устроившаго изъ нея языческій храмъ. Построенная по образцу римскаго капитолія, въ которомъ собирався въ важныхъ случаяхъ сенатъ западной имперіи, великая византійская курія, назначаемая для тогоже, была посвящена своимъ основателемъ тѣмъ же божествамъ—Юпитеру и Минервѣ, съ тѣмъ впрочемъ отличіемъ, что Константинъ для своего греческаго капитолія выбралъ не Юпитера Капитолійскаго, самое уважаемое божество на западѣ, а Юпитера Додонскаго, не менѣе почитаемаго на востокѣ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ перенести сюда изъ азійскаго города Лянда статую Минервы, иѣкогда освященную таинственными обрядами культа, распространенаго по всей Малой Азіи; у входа въ курію стояли стражами два идола, а подъ портиками размѣщены были съ своими атрибутами Музы, похищенные у святилищъ Геликона, такъ что великая константинопольская курія становилась какъ бы храмомъ языческимъ, освященнымъ присутствіемъ главныхъ божествъ Греціи. Самое зданіе, одѣтое драгоценными мраморами, украшенное монолитами и статуями, взятыми изъ главныхъ храмовъ, представлялось поклонникамъ искусства и древней еллинской религіи какъ бы сокровищемъ, къ которому можно приближаться только съ удивленіемъ и уваженіемъ.

Посвященіе статуй императорамъ происходило по обыкновенному церемоналу, сильно отзывавшемся язычествомъ. Государственные интересы заставляли и христіанскихъ уже императоровъ долгое время поддерживать эти старые обычаи,

укрѣплявшіе въ умахъ народовъ уваженіе къ ихъ самодержавію: самъ Θεодосій В. требовалъ для своихъ изображеній поклоненія, и только послѣ описываемыхъ нами событій его внукъ Θεодосій II, сынъ Аркадія и Евдоксія, закономъ уничтожилъ въ этомъ церемоніалѣ то, что слишкомъ оскорбляло христіанское чувство. Въ настоящемъ же случаѣ церемоніаль совершался со всѣми подробностями, какія только могла изобрѣсти лествъ: около статуи Евдоксія долго совершались непрерывныя общественныя празднества; массы народа забавлялись танцами, гимнастическими играми, мимами и комическими сценами, вѣроятно заимствованными изъ культа Цябеллы, а мы знаемъ изъ латинскихъ писателей, какими нечистыми зрѣлищами забавляли толпу изуродованные жрецы этой матери боговъ. Такова была картина, изображаемая долговременно на площади сената предъ храмомъ. Златоустъ открыто заявлялъ свое отвращеніе къ зрѣлищамъ, и ни одинъ изъ христіанскихъ моралистовъ не могъ сравниться съ нимъ въ той строгости, которую онъ обнаруживалъ ко всѣмъ развлеченіямъ, гдѣ видѣлъ изобрѣтеніе или ухищреніе демона. Присутствіе подобной демонской картины у дверей святилища показалось ему намѣреннымъ оскорбленіемъ церкви и его самого, такъ какъ крики фигляровъ, звуки музыки, рукоплесканія зрителей часто проникали внутрь храма и заглушали тамъ пѣніе псалмовъ или наставленія пастыря. Онъ жаловался на это префекту города и просилъ остановить скандалъ. Но префектъ, котораго подозревали въ манихействѣ, былъ ревностный приверженецъ Евдоксія и холодно отнесся къ предостереженіямъ архіепископа. «Развѣ все это не старинный обычай? Неужели же для императрицы Евдоксией нельзя сдѣлать того, что дѣлалось всегда и для всѣхъ цезарей, а напротивъ нужно наказывать обнаруживаемое народомъ расположеніе къ ней? Впрочемъ онъ извѣститъ обо всемъ

этомъ Августу»: таковъ былъ отвѣтъ префекта, какъ можно заключать изъ свидѣтельства историковъ и самаго хода дѣлъ. На другой день архіепископъ замѣтилъ, что весь этотъ шумъ не только не переставалъ, но напротивъ увеличивался съ дерзостію; онъ не могъ не видѣть въ этомъ хвастовства и вызова не только со стороны префекта, но и со стороны самой высокой особы, хотѣвшей заявить ему свое къ нему презрѣніе. Уступая естественному порядку, Златоустъ обратился къ своему постоянному защитнику и судѣѣ—народу своей церкви: съ высоты своей катедры онъ возсталъ противъ принимавшихъ участіе въ преступныхъ играхъ, противъ префекта, дозволившаго ихъ, и наконецъ противъ той, въ честь которой онѣ совершались и которая въ своей горделивости допустила оскверненіе святаго мѣста, какъ бы ставя себя выше Бога. Эта бесѣда не была записана; но исторія замѣчаетъ, что никогда рѣчь Златоуста не была такъ рѣзка и горька, что намеки на нечестивыхъ женъ В. и Н. Завѣтовъ были прямо приводимы въ этой импровизаціи, и что наконецъ здѣсь опять говорилось объ Иродіадѣ и Іоаннѣ Крестителѣ. Вечеромъ весь городъ взволновался: императрица требовала мщенія, и самъ императоръ, глубоко оскорбленный, объявлялъ, что нужно наконецъ покончить съ этимъ мятежникомъ.

Вторичное нападеніе на Златоуста сдѣлано было спустя два мѣсяца по возвращеніи его въ Константинополь. Марса, Кастриція и Евграфія опять овладѣли императрицей и раздразжали ее; Северіанъ, Антіохъ и Акакій прибыли изъ своихъ епархій и явились съ многими клириками и свѣтскими людьми совѣтниками новаго покушенія на миръ церкви. Современный церковный историкъ называетъ ихъ опьянѣлой отъ ярости когортой: такъ сильно они жаждали гибели Златоуста. Изъ нихъ, желавшіе скорого разрѣшенія вопроса подали мнѣніе, чтобы предать архіепископа свѣтскому суду по обвиненію въ

оскорбленія величества: «развѣ оиѣ, говорили они, не оскорбилъ императрицу дерзкими словами среди торжества, устроенаго ей сенатомъ и народомъ, и тѣмъ самымъ не вызывалъ народъ къ мятежу? Такое преступленіе не пуждается ни въ изслѣдованіи, ни въ юридическомъ разборѣ; оно совершенно публично, въ главномъ храмѣ, среди праздничныхъ торжествъ, и бесспорно должно быть наказано». Болѣе благоразумные замѣчали, что слѣдуетъ опасаться челоуѣка, располагающаго массою народа, и не компрометировать именъ императора и императрицы въ процессѣ, исходомъ коего должна быть смертная казнь. Тогда одинъ изъ совѣтниковъ, можетъ быть Северіанъ, сдѣлалъ слѣдующее предложеніе, къ которому пристали и всѣ: «Іоаннъ уже два мѣсяца наскучаетъ императору просьбою о созваніи собора, который бы уничтожилъ постановленія прежняго, оправдать его и осудить его судей. Хорошо, пусть императоръ согласится на это; тогда соборъ можно обратить противъ него же, что не будетъ трудно въ виду новаго преступленія съ его стороны, вызвавшаго противъ него всеобщее негодованіе. Не пренебрегая никакими средствами и съ помощію двора, можно будетъ достигнуть желанныхъ результатовъ, и Іоанну, дважды осужденному церковнымъ соборомъ за церковныя проступки, придется умирать въ изгнаніи, если только императрица не вызоветъ его опять». Казалось, такое предложеніе рѣшало всѣ затрудненія, или по крайней мѣрѣ устраняло главныя: императоръ принялъ его и велѣлъ готовить пригласительныя письма. Нашли, что даже выгоднѣе созвать новый соборъ въ Константинополѣ подъ рукою Августы, которая могла бы ободрять или устрашать епископовъ; при этомъ вспоминали о сдѣланной ошибкѣ, когда перенесеніемъ перваго собора въ Халкидонъ поставили его внѣ вліянія двора и оставили обвиняемаго въ нѣкоторомъ смыслѣ владыкою столицы. Во все время этихъ совѣщаній

у всѣхъ на умѣ было имя Теофила; казалось, что александрійскій патріархъ долженъ быть необходимымъ членомъ церковнаго заговора для ниспроверженія Златоуста. Онъ былъ душой перваго собора, онъ составилъ его изъ своихъ единомышленниковъ, онъ начерталъ планъ, велѣ совѣщанія, чертилъ постановленія; для влѣбыванія его при этомъ дѣлѣ и оцѣнившихъ его находчивый умъ, не отступавшій ни предъ какою случайностію, но хитрый и дерзкій, лукавый и повелительный, прибѣгавшій то къ обольщенію, то къ угрозѣ, увлекавшій большинство епископовъ тонкостію своихъ убѣжденій или страхомъ своей мстительности,—Теофилъ былъ именно такимъ человѣкомъ, безъ котораго невозможно было обойтись приготавливавшемуся собору. Но съ другой стороны, при воспоминаніи о его слабостяхъ мужества и малодушномъ страхѣ предъ толпою, хотѣвшей утопить его, можно было напередъ думать, что онъ не явится сюда вторично. Епископы рѣшились написать ему, кромѣ общаго приглашенія, особое письмо въ такомъ смыслѣ: «Теофилъ, пріѣзжай быть нашимъ вождемъ, или, если тебѣ это невозможно, научи насъ, что намъ нужно дѣлать». Теофилъ отвѣчалъ извиненіями, что онъ «не можетъ оставить еще разъ Александрію, не пренебрегая своимъ долгомъ епископа и желаніемъ своего народа уже недовольнаго, который, безъ сомнѣнія, возмутится при одной попыткѣ его къ отъѣзду»; онъ прибавлялъ и другія причины, но «не это удерживало его» замѣчаетъ приводимый нами историкъ, «а просто страхъ», ибо у него постоянно въ памяти былъ готъ страшный день, когда онъ съ своими египтянами припужденъ былъ спастись на плохомъ суднѣ, боясь быть брошеннымъ въ Босфоръ. Но если патріархъ, противъ своей воли, не присоединялся къ собору враговъ архіепископа, за то онъ посылалъ имъ свой духъ: онъ объявлялъ, что владѣеть несомнѣннымъ средствомъ добиться изгнанія Іоанна, что это средство

состоить въ разныхъ документахъ, которые онъ сообщить своимъ друзьямъ—египетскимъ епископамъ съ указаніемъ, какъ пользоваться ими, но что все дѣло требуетъ для желаннаго результата глубокой тайны. Этихъ египтянъ, хранителей конфиденціальныхъ документовъ и словесныхъ наставленій патріарха, было трое; всѣ они были вполне достойны довѣрія своего патрона по испытаннымъ уже талантамъ въ интригахъ, не смотря на то что одинъ изъ нихъ былъ еще очень молодъ; это были, замѣчаетъ тотъ же историкъ, поистинѣ жалкіе епископы. Когда они прибыли въ Константинополь, то были встрѣчены Северіаномъ и его придворными друзьями съ радостію. Теофілъ вмѣстѣ съ тѣмъ употреблялъ все, чтобы будущій соборъ былъ напередъ составленъ и приготовленъ по желанію императора и его самого: онъ написалъ настоятельныя посланія къ епископамъ смежныхъ съ Египтомъ областей, могущимъ опасаться его (въ Палестинѣ и Сиріи его вліяніе было очень велико), въ коихъ заранѣе предписывалъ имъ ихъ будущія роли. Северіанъ, Антіохъ и Аеакій поступали точно также съ соседними себѣ епископами, обѣщаніями и угрозами, во имя императора, набирая судей для уничтоженія своего врага. Такіе поступки приносили плоды: крайнее безпокойство распространялось по всѣмъ областямъ отъ Египта до Понта, отъ Константинополя до предѣловъ Фракіи. Созваніе новаго собора для разслѣдованія актовъ прежняго, требуемое Златоустомъ, какъ средство для оправданія себя, было переименовано его противниками въ средство подтвержденія прежнихъ актовъ, согласно съ волей императора и справедливымъ раскаяніемъ Августи.

Мнимо увеличивающееся участіе Аркадія въ этомъ второмъ процессѣ должно было дѣйствовать на епископовъ нейтральныхъ или друзей Златоуста, тогда какъ горячая дѣятельность двора должна была волновать страсти его враговъ. Въ

этомъ морѣ волнующихся чувствъ и сознаній выдавались дѣла правды и мужества, но много было и низкихъ поступковъ. Были такіе епископы, которые опасаясь явиться на соборъ лично, страшась вѣроятно народныхъ волненій изъ-за Златоуста, отправили письменное согласіе на все, что будетъ сдѣлано противъ него, постыдно такимъ образомъ заботясь о милостяхъ двора. Указываютъ на одного епископа, который явился въ Константинополь съ намѣреніемъ защищать Златоуста, но быстро возвратился домой, когда увидѣлъ происки противной партіи и услышалъ раздававшіяся вокругъ него угрозы: это былъ Θεодоръ тіанскій изъ Каппадокіи, по отзыву современниковъ мудрый и солидный іерархъ. Прибывавшіе епископы, къ коей бы партіи ни принадлежали, считали сначала нужнымъ повидѣться съ Златоустомъ для избѣжанія упрековъ, сдѣланныхъ прежде Θεοφίлу, за непосѣщеніе мѣстнаго епископа; но Аркадій не одобрялъ этого, — и посѣщенія прекратились. Однако, несмотря на интриги и устрашенія, около Златоуста собралось сорокъ, или сорокъ два епископа, оставшихся до конца вѣрными ему, изъ сотни слишкомъ, прибывшихъ на соборъ. На той и другой сторонѣ были новыя личности, не бывшія на прежнемъ соборѣ; мы упомянемъ о нихъ по мѣрѣ подробностей разсказа. Центромъ придворной партіи, вокругъ котораго собирались враги архіепископа, были по прежнему Акакій, Αντιόχъ, Северіанъ и Кирикъ халкидонскій.

Посвященіе статуи Евдокіи происходило въ концѣ сентября 403 г., а уже въ началѣ января 404 г. состоялся соборъ. За нѣсколько дней предъ этимъ былъ праздникъ Рождества Христова, и императоръ съ своей фимиліей обыкновенно въ дни великихъ христіанскихъ праздниковъ являлся на архіепископское служеніе; на этотъ разъ Аркадій объявилъ, что онъ не пойдетъ туда, не желая, по его словамъ, имѣть общеніе

съ архієпископомъ до его оправданія. Такой совершенно неожиданный поступокъ, потому что съ самаго возвращенія Златоуста не было никогда и рѣчи о такомъ пренятствіи, казался сигналомъ, даннымъ съ трона для собора, и предварительнымъ осужденіемъ. Соборъ былъ открытъ при такихъ предзнаменованіяхъ.

II. Соборъ былъ созванъ, какъ мы замѣтили, для пересмотра актовъ прежняго собора; Златоустъ требовалъ его съ цѣлью оправданія себя: въ одномъ стремленіи совмѣщались, какъ видимъ, существенно противоположныя цѣли. Но какъ бы ни расходились эти цѣли, каковъ бы ни былъ для архієпископа результатъ, благопріятный или несчастный, пересмотръ суда надъ нимъ могъ быть начатъ не иначе, какъ съ предварительнаго контроля всѣхъ данныхъ, обвинительныхъ и вопросныхъ пунктовъ, допросовъ обвинителей и свидѣтелей,—словомъ всего, чѣмъ началось дѣло. А между тѣмъ, чрезъ шесть слишкомъ мѣсяцевъ послѣ осужденія Златоуста, въ церкви константинопольской произошли большія перемѣны то отъ преобразованія имъ своего духовенства, то отъ другихъ причинъ: нѣкоторые изъ его обвинителей исчезли или воздерживались, боясь народа и помня его угрозы противъ Теофила; тоже самое было и съ свидѣтелями, особенно изъ клира. Такимъ образомъ съ самаго начала встрѣтились съ величайшими затрудненіями—возобновить процессъ суда съ его начальными данными; предпринять же новый процессъ съ новыми людьми и жалобами—значило бы уклониться отъ цѣли собора и подвергнуться опаснымъ случайностямъ. За тѣмъ представлялся вопросъ о возраженіяхъ и преніяхъ противной стороны: Златоустъ, котораго не слушали на прежнемъ соборѣ, непремѣнно захочетъ быть выслушаннымъ здѣсь, а обвинители и свидѣтели не вынесутъ его краснорѣчія, и оно можетъ покрыть ихъ стыдомъ и безславіемъ; придворные

епископы также безлокоилнсь, хотя немного поздно, о томъ, какое дѣйствіе можетъ произвести это краснорѣчіе на боготворившій его народъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, соборъ тянулся, не приступая къ рѣшительному чему нибудь, и терять время пока на одни предварительныя распоряженія.

При видѣ той тоски и унынія, которыя стали овладѣвать соборомъ, посланные Теофиломъ египтяне сочли эту минуту удобною для открытія главнаго плапа нападенія. Они успѣли уже найти себѣ ловкихъ помощниковъ въ Леонтіѣ, митрополитѣ анкирскомъ, въ малой Галатіи, и Аммоніѣ епископѣ псидійскомъ. Оба эти лица считались отличными богословами, а Леонтій пользовался даже славой въ своей сторонѣ; но это качество было затемнено у него завистью и непоумѣреннымъ честолюбіемъ: ему хотѣлось поприща большого, чѣмъ темный галатійскій городъ, и онъ думалъ, что оно наступало для него въ борьбѣ, открывавшейся тогда въ Константинополѣ противъ перваго оратора христіанскаго міра. Что касается Аммонія, то это былъ пристрастный и сварливый человѣкъ, и о немъ говорили, что онъ явился только для смуты въ церкви. Около нихъ группировались второстепенныя личности и придворные богословы—Антіохъ, Акакій, Кирикъ и Северіанъ; а египтяне Теофила благоразумно держались въ тѣни, какъ будто первоначальное предложеніе выходило не отъ нихъ. Роли были заранѣе распредѣлены. Леонтію и Аммонію назначено было говорить предъ соборомъ, и одинъ изъ нихъ, вѣроятно, Леонтій, превосходившій своего товарища богословскимъ авторитетомъ, изложилъ дѣло почти въ слѣдующихъ словахъ. «Для чего насъ собрали и что пришли мы дѣлать здѣсь? Мы пришли пересмотрѣть судъ собора, низложившаго Іоанна съ константинопольскаго епископства. И самъ Іоаннъ старается уничтожить предъ нами постановленія этого собора; но для насъ прежде всего нужно рѣшить слѣдующій

вопросъ: есть ли Іоаннъ нашъ подсудимый? Имѣсть ли онъ право требовать отъ насъ, или отъ другаго церковнаго судилища переѣмы опредѣленія, поразившаго его низложеніемъ; однимъ словомъ—есть ли Іоаннъ низложенный епископъ, могущій просить по канонамъ о своемъ возстановленіи? Нѣтъ, Іоаннъ не есть ни епископъ, ни пресвитеръ; по смыслу формальныхъ церковныхъ законовъ онъ даже не принадлежитъ болѣе къ церкви». Развернувъ при этомъ свитокъ документовъ, принесенныхъ египтянами изъ Александріи, ораторъ громкогласно прочиталъ слѣдующія мѣста изъ двухъ каноновъ собора, бывшаго въ Антиохіи въ 341 г. при императорѣ Констанціѣ: «всякій епископъ, низложенный съ своей кathedры соборомъ, справедливо или несправедливо, если онъ рѣшится самовольно возвратиться на нее, не оправдавъ себя на томъ же или другомъ соборѣ и не будучи возвращенъ къ своимъ епископскимъ должностямъ своими судьями, да будетъ отлученъ; безъ позволенія оправдывать себя; а кто помогать ему въ его самовольномъ возвращеніи и имѣлъ сношенія съ нимъ, да будетъ подобно ему отлученъ отъ общенія церкви» (4 кан.); «если же пресвитеръ или епископъ, отлученный отъ церкви, продолжаетъ производить смуты, то да будетъ онъ уброщенъ свѣтскою властью, подобно мятежнику» (5 кан.). «Итакъ, прибавилъ ораторъ, кто предъ нами въ настоящемъ случаѣ? Іоаннъ, низложенный соборомъ съ своего престола, самовольно и украдкой возвратившійся па него, и тѣмъ самымъ поставившій себя внѣ церковныхъ законовъ. Чего же теперь требуетъ онъ отъ насъ? Требуешь, чтобы мы оправдали его отъ тѣхъ преступленій, за которыя его низложили, и хочешь судебно защищать предъ нами свою невинность и доказать намъ, что онъ былъ осужденъ несправедливо. Но справедливо или несправедливо былъ онъ осужденъ,—это не наше дѣло. Іоаннъ уже не подлежитъ церковному суду, онъ уже не епископъ и

не пресвитеръ; онъ уже отлученъ, и мы не можемъ ни выслушивать его оправданій, ни имѣть съ нимъ общеніе, не подвергаясь сами, по смыслу приведенныхъ мною канонѣвъ, тому же отлученію. Отсюда опредѣляется и наше дѣло: намъ ничего болѣе не остается тутъ дѣлать, какъ обратиться за помощію къ свѣтской власти, чтобы положить конецъ насилію, смущающему и безславящему церковь; такъ предписываютъ тѣ же каноны».

Таковъ былъ планъ, составленный александрійскимъ патріархомъ, планъ поистинѣ демонскій, потому что, если бы его приняли на соборѣ, самъ Златоустъ своимъ пылкимъ желаніемъ доказать свою правоту приготовлялъ бы себѣ неминуемую гибель. Въ самомъ дѣлѣ соборъ, объявляя себя некомпетентнымъ для разслѣдованія процесса прежняго собора, что во многомъ было почти невозможно, только просто подтвердилъ бы его осужденіе, прибавивъ къ тому еще большую виновность: изъ просто низложеннаго епископа Златоуста, по этому плану, становился еще отлученнымъ, которому возбранено было домогаться своего оправданія. При чтеніи этихъ канонѣвъ, подведенныхъ къ дѣлу Златоуста, соборъ, кромѣ лицъ посвященныхъ въ интригу, пораженъ былъ крайнимъ изумленіемъ. Большая часть епископѣвъ не знала о существованіи подобныхъ канонѣвъ, такъ какъ они не вошли въ собраніе церковныхъ законовъ въ IV вѣкѣ, чему мы увидимъ и причину; другіе знали ихъ, но только какъ историческіе документы, такъ какъ они никогда не имѣли практики и примѣненія къ дѣлу. Канонѣвъ этихъ даже и не было въ церковныхъ библіотекахъ, потому что акты антиохійскаго собора почти тотчасъ послѣ обнародованія были отмѣнены соборомъ сардіискимъ; но Оеодору легко было найти ихъ въ устной сокровищницѣ александрійской церкви, а притомъ они относились къ славнѣйшему изъ его предшественниковъ — Афанасію В.

Мы войдемъ здѣсь въ нѣкоторыя подробности для лучшаго уразумѣнія, что это были за каноны, при какихъ обстоятельствахъ явились они и въ какой силѣ можно было приложить ихъ къ Іоанну Златоусту. Аѳанасій, неутомимо преслѣдуемый противниками православія и изгнанный обманутыми или совращенными въ аріанство императорами, находилъ постоянную поддержку въ западной церкви, и хотя канонически онъ изложенъ былъ на востокѣ, но въ Италіи могъ имѣть общеніе съ епископами, такъ какъ они не соглашались на его изложеніе. Чтобы отнять у него послѣднюю поддержку, глава аріанской партіи—Евсевій никомидійскій, получившій константинопольскую кафедру въ 340 году, добился у императора Констанція позволенія собраться епископамъ въ Антиохію, подъ видомъ освященія храма, и успѣлъ привлечь туда и самого императора, расположеніе коего къ аріанству онъ зналъ лучше кого либо. Собраніе это было многочисленно и перешло въ соборъ: тутъ было около 90 епископовъ, изъ коихъ 36 были открытые аріане, а другіе слушались во всемъ Евсевія, покровительствуемаго императоромъ. Настоящей цѣлью собора, очевидной для всѣхъ, полагалось нанести послѣдній ударъ александрійскому патріарху, воспрепятствовать ему апеллировать къ западнымъ епископамъ и найти себѣ опору въ Италіи еще разъ. Соборъ подтвердилъ изложеніе Аѳанасія, составилъ приведенные нами выше каноны, которые должны были, по мысли Евсевія, устрашить западныхъ епископовъ, или по крайней мѣрѣ сдѣлать положеніе изложеннаго патріарха на востокѣ очень затруднительнымъ. Но расчетъ не удался. Дѣло Аѳанасія было такъ справедливо, а злоба его враговъ такъ очевидна, что папа и западные епископы не остановились предъ угрозами отлученія: они не только дерзнули имѣть общеніе съ Аѳанасіемъ—изгнанникомъ, но созвали соборы—сначала въ Римѣ, потомъ въ Сардикѣ,—на коихъ возстановили Аѳанасія, осудили аріанъ

и отмѣнили постановленія антїохійскаго собора. Такимъ образомъ дисциплинарные пункты, измышленные на этомъ соборѣ противъ Аѳанасія, были отмѣнены на западѣ, и шестьдесятъ лѣтъ спустя папа Иннокентій открыто говорилъ, что онъ не признаетъ ихъ; даже на самомъ востокѣ, послѣ умиротворенія александрійскихъ смутъ возвращеніемъ Аѳанасія, антїохійскія постановленія, направленные именно противъ этого возвращенія, вышли изъ употребленія и только въ послѣдствіи нѣчто хорошее изъ нихъ было взято собирателями дисциплинарныхъ каноновъ и принято церковію. Вотъ причины, почему на соборѣ, созванномъ для суда надъ Златоустомъ, большая часть епископовъ не знала антїохійскихъ каноновъ, прочитанныхъ имъ; понятно также, отчего эти каноны, если бы и всѣ знали о нихъ, могли сдѣлаться предметомъ оживленныхъ споровъ и несогласій.

При такомъ оборотѣ дѣла, Златоустъ понималъ всю ловкость Θεοφιλα, который воспользовался желаніемъ его оправдаться для загражденія ему этого права, — но тѣмъ не менѣе онъ не намѣренъ былъ уступить. Лишенный права представить свою защиту самъ лично, въ силу изобрѣтеннаго противъ него правила, онъ поручилъ представить ее на соборѣ своимъ друзьямъ, и мы находимъ главныя черты ея въ *Диалогѣ* Палладія, самаго достовѣрнаго руководителя нашего въ описываемыхъ событіяхъ. Златоустъ не менѣе Θεοφιла былъ свѣдушъ въ исторіи восточныхъ церквей, а преданія церкви антїохійской, чадомъ которой былъ онъ самъ, помогли ему притупить или ослабить оружіе, изощренное на него Θεοфиломъ: планъ его защиты состоялъ въ показаніи сначала недействительности антїохійскихъ постановленій, какъ правилъ вселенской церкви, потомъ въ доказательствѣ неприложимости ихъ, во всякомъ случаѣ, къ обвиненію его. Въ первомъ отдѣлѣ Златоустъ исторически раскрывалъ, что эти ка-

ноны—аріанскіе: они постановлены собраніемъ, устроеннымъ и руководимымъ вождемъ аріанъ, притомъ подъ непосредственнымъ надзоромъ императора — ревностнаго аріанина; наконецъ, цѣлью этого собранія было не только низложить съ кафедръ, но и поразить церковною смертію Аѳанасія, великаго учителя церкви. Если недостаточно такихъ признаковъ аріанства для характеристики антиохійскаго собора, то можно еще прибавить, что этотъ соборъ, желая формулировать свои убѣжденія въ символъ, окончилъ болѣе чѣмъ сомнительными опредѣленіями православія, полными аріанскихъ тонкостей и увертокъ и отвергнутыми католическою церковію. И эти-то каноны еретическаго собранія, вынужденные ненавистію его къ Аѳанасію, католическій соборъ приводитъ теперь противъ католическаго епископа въ дѣлѣ, нисколько не касающемся догматовъ! Не имѣетъ ли послѣ этого Златоустъ права протестовать противъ такого страннаго, возмутительнаго и несправедливаго поступка? Во второй части Златоустъ доказываетъ, что антиохійскіе каноны, если даже допустить ихъ дѣйствительность, не приложимы къ его дѣлу. О чемъ, въ самомъ дѣлѣ, говорятъ они? О такомъ епископѣ, который, будучи низложенъ соборомъ, самовольно возвратился бы на свою кафедру, не получивъ каноническаго возстановленія. Но Златоустъ никогда не былъ низложенъ и никогда не переставалъ быть епископомъ. Собраніе, имѣвшее притязаніе судить его въ Халкидонѣ, было не соборомъ, а сходбищемъ его отъявленныхъ враговъ; вѣрные церковнымъ законамъ епископы были при немъ, — сорокъ два епископа не оставляли его во время незаконнаго суда надъ нимъ, а шестьдесятъ пять остались въ общеніи съ нимъ послѣ декретовъ этого собора и протестовали противъ ихъ дѣйствительности. Притомъ, ни одно изъ правилъ церковнаго судопроизводства не было соблюдено въ этомъ мнимомъ судѣ: въ составѣ судилища

оставались извѣстныя личности, очевидные враги Златоуста, которыхъ онъ требовалъ отстранить; обвиненія не были разбираемы; его осудили, не выслушавъ его самого, и низложили, не предъявивъ ему своего о томъ приговора; онъ лично не зналъ обо всемъ этомъ, какъ императорскій чиновникъ принесъ ему приказъ оставить свою церковь и отправляться въ ссылку, а на другой день другой чиновникъ привезъ его оттуда и возвратилъ паствѣ. Какое же отношеніе имѣютъ эти факты съ случаемъ, предусматриваемымъ антiохійскими канонами? Очевидно никакого. Что же касается того обстоятельства, что Златоустъ домогался у императора созванія собора для пересмотра суда надъ нимъ, то обманываются тѣ, которые думаютъ, будто этимъ онъ признавалъ прежній судъ надъ собою: незаконно осужденный епископами, враждебными ему, онъ такимъ поступкомъ дѣлаетъ только правильное обращеніе къ своимъ собратіямъ—епископамъ для того, чтобы засвидѣтельствовать свою правоту предъ ними и всѣмъ христіанскимъ міромъ, сокрушить злобу другихъ и изгладить даже тѣнь подозрѣнія, которымъ пытались омрачить его имя. Въ сущности, вся защита сводилась къ тремъ пунктамъ: 1) каноны антiохійскіе были еретическіе каноны, и вселенскій соборъ не имѣетъ права руководствоваться ими; 2) во всякомъ случаѣ, эти каноны не примѣнимы къ нему, такъ какъ онъ никогда не былъ низложенъ соборомъ; 3) своею просьбою о созваніи собора онъ хотѣлъ не возвратитъ себѣ потерянные будто права, а показать свою оклеветанную правоту, повинувшись прямому долгу епископа.

Таково было нападеніе и такова защита. Пренія на соборѣ открылись прежде всего спорами о дѣйствительности актовъ антiохійскаго собора, ставшихъ съ тѣхъ поръ сущію всего дѣла. Каждая сторона явилась съ различными доказательствами, извлеченными изъ историческихъ обстоятельствъ со-

*

бора: враги Златоуста утверждали, что постановления собора, большая часть членов коего были православные, православны въ свою очередь; другіе отвѣчали на это, что такой соборъ, изъ девяносты членовъ коего было тридцать шесть еретиковъ, на которомъ притомъ тяготѣло пристрастное вліяніе императора и который, наконецъ, имѣлъ прямою цѣлью поражение Аѳанасія В.,—такой соборъ не могъ не быть еретическимъ. Стали подозрѣвать въ подложности тѣ опредѣленія, концы съ коихъ были присланы Θεοφиломъ; спорили, обвиняли другъ друга, терлись въ тонкостяхъ, а время между тѣмъ проходило, и ничто не было рѣшено; самое имя Аѳанасія, столь уважаемое во всемъ христіанскомъ мірѣ, не производило никакого впечатлѣнія на тѣхъ епископовъ, которые не были сильны ни въ богословіи, ни въ исторіи. Изъ соборныхъ засѣданій споры переходили въ городъ и императорскій дворецъ; не встрѣчались безъ взаимныхъ вопросовъ: «а что, антиохійскій соборъ—православный или аріанскій»? Споры эти отзывались на самохъ императорѣ, и хотя для него и особенно для императрицы всякій соборъ, доставлявшій оружіе противъ Златоуста, долженъ былъ казаться самымъ православнымъ, Аркадій обнаруживалъ колебаніе, смущавшее придворныхъ епископовъ. Чтобы укрѣпить его въ ихъ мнѣніи, Северіанъ съ своими друзьями предложилъ ему покончить самому съ этими затрудненіями, созвавъ въ своемъ дворцѣ по десяти епископовъ съ каждой стороны, которые бы въ его присутствіи вступили въ рѣшительное преніе. Они съ увѣренностію думали покончить преніе въ свою пользу, частію устрашивъ своихъ противниковъ сосѣдствомъ враждебнаго имъ двора, частію запутавъ своими обычными хитросплетеніями императора, который, очень не свѣдущій въ богословіи, захочетъ самъ рѣшить споры. Съ согласія императора собрался во дворцѣ этотъ малый соборъ. Враждебную Зла-

тоуству партію представляли Акакій, Автіохъ, Кяринъ, Северіанъ, Леонтіѣ, Аммоній и нѣкоторые другіе; изъ защитниковъ его исторія упоминаетъ только о епископѣ Транквилиинѣ и Елпидіѣ лаодикійскомъ изъ Сиріи. По послѣдній одинъ стоялъ многихъ; это былъ старикъ съ обширнымъ знаніемъ, твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ, безупречная жизнь и почтенныя сѣдины всего внушали сразу уваженіе. Аркадію захотѣлось, чтобы говорилъ первымъ онъ. Елпидій принялся развивать доказательства, раскрывавшія, что въ Златоусту не могли быть приложимы антиохійскіе каноны, како бы ни было ихъ значеніе, не дѣйствительное по мнѣнію Елпидія; онъ изобразилъ истинное положеніе Златоуста съ точки зрѣнія каноническихъ правилъ,—что его нельзя называть низложеннымъ, что самъ соборъ, судившій его, отъ накопившихся въ судопроизводствѣ мелочей былъ приведенъ къ ничтожности, что Златоустъ былъ отнятъ и возвращенъ своей церкви властію и волею самого императора, объявленную чрезъ его свѣтскаго чиновника, что по всему этому Златоустъ, не низложенный канонически, не самовольно бросившій и опять принявшій свое мѣсто, никогда не переставалъ быть епископомъ по церковному праву, и что напротивъ, противно всякому праву и всякой справедливости прилагать къ нему эти непримѣнимые каноны. Во все время рѣчи этого почтеннаго старца, проникнутой жаромъ сердечнаго убѣжденія, Северіанъ съ своими друзьями прерывали его почти на каждой фразѣ восклицаніями и обличеніями, пожиманіями плечъ и подобными непримѣчными кривляніями, не стѣняясь присутствіемъ Аркадія, и даже заглушали его рѣчь своимъ гуломъ. Елпидій сначала спокойно выносилъ подобныя оскорбленія, но потомъ не вытерпѣлъ и обратился къ Аркадію: — императоръ, сказалъ онъ, я вижу, что мы злоупотребляемъ здѣсь твоею добротою заставляемъ тебя бесполезно терять время; благоволи прика-

затѣ моиѣ собратіѣмъ замолчать, ибо я намѣренъ предложить нѣчто, могущее согласить всѣхъ насъ: пусть Антіохъ и Акакій засвидѣтельствуютъ здѣсь письменно, что они разделяютъ исповѣданіе собора, коего каноны они одобряютъ,— и я признаю себя побѣжденнымъ, и споръ будетъ оконченъ». Такое предложеніе поправилось императору; онъ обратился къ Антіоху и съ улыбкой сказалъ ему: «такое предложеніе кажется мнѣ хорошимъ, нужно такъ и сдѣлать». При этихъ словахъ противники Элпидія поблѣднѣли. Въ самомъ дѣлѣ, иное дѣло было поддерживать съ большинствомъ дѣйствительность нѣкоторыхъ каноновъ, въ коихъ нуждались для погубленія Златоуста, и совершенно другое—засвидѣтельствовать своею подписью, предъ лицомъ всего христіанскаго міра, свое единомысліе съ людьми, изгнавшими Аѳанасія. Они пробормотали что-то о своемъ согласіи, отложивъ на другой день исполненіе требуемаго отъ нихъ, и затѣмъ вышли. Но императоръ Аркадій не получилъ ни отъ одного изъ нихъ обѣщанной подписи.

Во все это время Златоустъ оставался при своей церкви, усердно занимаясь епископскими обязанностями, усугубляя свои наставленія паствѣ и чаще прежняго священнодѣйствуя, оставаясь всегда спокойнымъ и яснымъ, какъ будто ему и неизвѣстно было, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него злоумышляли на его честь и, быть можетъ, на его жизнь. Одно только беспокоило его: высшее константинопольское общество оставило его церковь, особенно женщины, боявшіяся своимъ присутствіемъ на его проповѣдяхъ навлечь на себя немилость императрицы при дворѣ. Изъ всѣхъ скорбей, причиненныхъ ему врагами, послѣдняя казалась ему самою жестокою и несправедливою: препятствовать людямъ слышать слово Божіе изъ устъ священнослужителя для оскорбленія этимъ послѣдняго—значило, въ его глазахъ, возлагать

на него отвѣтственность за грѣхи другихъ. Въ собраніи его бесѣдъ многія относятся къ этой эпохѣ; мы укажемъ на двѣ, въ направленіи которыхъ нельзя сомнѣваться. Первая говорить о преслѣдователяхъ вообще и служить объясненіемъ словъ Псалмопѣвца: «со всѣхъ сторонъ напали на меня народы, но именемъ и силою Господа я сокрушилъ и побѣдилъ ихъ; многократно осаждали они меня, но именемъ и силою Господа они сокрушены и побѣждены; съ яростію нападали они на меня, подобно разъяреннымъ пчеламъ, и были одушевлены пыломъ огня сожигающаго терніа, но именемъ и силою Господа я сокрушилъ и побѣдилъ ихъ». Другая разсуждаетъ о томъ вынужденномъ удаленіи, которое такъ тяжело дошло до его сердца, и относилась къ свѣтскимъ женщинамъ, а чрезъ нихъ и къ императрицѣ. «Точно также, говорилъ онъ, какъ болѣе великимъ преступленіемъ считается разодрать одежды на императорѣ, чѣмъ пристать къ его врагамъ, и еще какъ умерщвляющіе императора совершаютъ преступленіе высшее всякихъ наказаній: такъ и адъ, коимъ угрожаетъ намъ Господь, малъ для преступниковъ убивающихъ Господа и раздѣляющихъ своею ересью на части церковь; ибо церковь есть Его тѣло и члены». Потомъ онъ прибавлялъ: «если кто изъ васъ хочетъ вредить мнѣ, желаетъ мнѣ зла и отдѣляется отъ церкви только изъ-за мщенія мнѣ, я открою такому самое лучшее средство оскорблять меня, не дѣлая вреда самому себѣ, или, если уже невозможно мщеніе безъ вреда для души, по крайней мѣрѣ укажу способъ менѣе гибельный для спасенія, чѣмъ тотъ, какой употребляютъ въ настоящее время многіе. Вотъ въ чемъ это средство: пусть таковой смѣло приблизится ко мнѣ и ударитъ меня публично въ лицо предъ всѣми, пусть онъ покрываетъ мое тѣло ранами, сколько ему будетъ угодно... Какъ! вы трепещете, жены, при моемъ предложеніи заушать меня, и не трепещете заушая Господа? Вы

раздираете тѣло вашего Спасителя и вы не дрожите!.. Не нищете въ моихъ словахъ насмѣшки, — въ нихъ искреннее выраженіе моей мысли: да, я желалъ бы, чтобы всѣ, гнѣвающіеся на меня и вредящіе себѣ своимъ отдѣленіемъ отъ церкви изъ-за меня, лучше били меня по лицу, позорили меня и вымещали на мнѣ весь свой гнѣвъ, заслуженный мною или нѣтъ, чѣмъ вели себя такъ, какъ они дѣлаютъ. Ничего, въ самомъ дѣлѣ, не было бы страннаго въ томъ, что такой ничтожный человѣкъ, несчастный грѣшникъ, каковымъ я призываю себя, испыталъ бы такое обращеніе, — и я самъ подъ вашими ударами и оскорбленіями молилъ бы Господа за васъ, и Богъ простилъ бы васъ не потому, что я горделиво приписываю себѣ особенное значеніе у Него, а потому, что всякій человѣкъ, оскорбляемый и унижаемый, можетъ съ упованіемъ молиться за своихъ враговъ и надѣяться на помилованіе обидящихъ его: само Евангеліе совѣтуетъ и заповѣдуетъ это, а Евангеліе обманывать насъ не можетъ. Если бы я, ничтожный, могъ когда либо сомнѣваться въ томъ, что моя грѣшная молитва объ этомъ будетъ услышана, я обратился бы къ святымъ, молилъ бы ихъ и умолилъ бы ходатайствовать предъ Богомъ за моихъ палачей, и, я увѣренъ въ томъ, Господь даровалъ бы имъ просямое. Но когда вы оскорбляете Бога, самого Бога, то къ кому, по вашему, я долженъ обратиться*?

Когда говорились эти краснорѣчивыя слова, въ церкви не было того изящнаго, свѣтскаго общества, къ которому собственно они относились; они падали на не перестававшую окружать Златоуста народную толпу, воспламеняли ее, и волненіе было всюду.

III. Между тѣмъ проходилъ постъ и приближался праздникъ Пасхи. Нигдѣ въ христіанскомъ мірѣ Воскресеніе Христово, этотъ праздникъ праздниковъ, не было празднуемо

какъ торжественно, какъ въ Константинополь и особенно въ главной церкви св. Софїи, куда являлся въ служенію императоръ съ своимъ семействомъ и дворомъ съ пышнымъ церемонїаламъ. Такой обычай велся отъ самаго основанія христіанскаго Рима и не былъ отмѣняемъ ни однимъ изъ преемниковъ Константина, кромѣ, разумеется, Юліана: Аркадій же всегда былъ самымъ вѣрнымъ исполнителемъ его. Но теперь представленіе о близости этого времени начало беспокоить его, и можно было думать, по его поведенію и разговору, что онъ замышляетъ что-то. Дворъ встревожился. Побуждаемые императрицей, придворные епископы, предводимые Антіохомъ, улучили время поговорить съ нимъ тайно о Златоустѣ. «На немъ, говорили они ему, лежитъ долгъ предъ наступленіемъ великихъ дней удалигъ изъ церкви изложеннаго и отлученнаго самозванца; потому что съ такимъ человекомъ не можетъ имѣть общенія ни императоръ, ни его семейство и народъ». Хотя приговоръ собора еще не былъ произнесенъ, но эти епископы, по простому соображенію голосовъ каждой стороны, полагали несомнѣннымъ, что Златоустъ уже осужденъ: они утверждали это положительно, и императоръ повѣрилъ имъ. «Въ самомъ дѣлѣ, прибавляетъ историкъ, развѣ не епископы утверждали это? А можно ли подозрѣвать во лжи епископа или пресвитера, обязаннаго возвыщать слово истины?» Послѣ такихъ увѣреній Аркадій послалъ съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ повелѣніе Златоусту немедленно оставить церковь. Златоустъ спокойно отвѣчалъ: «не могу сдѣлать этого; я принялъ эту церковь отъ самого Бога, моего Спасителя, для попеченія о Его стадѣ, и я не покину ее». А когда чиновникъ сталъ наставлять, онъ прибавилъ: «если императоръ хочетъ этого, пусть онъ прикажетъ вывести меня силой, такъ какъ городъ принадлежитъ ему; насилие это будетъ моимъ извиненіемъ предъ Богомъ; но добровольно я никогда не выйду

отсюда». Отвѣтъ былъ положительный, и чиновникъ, зная непреклонный характеръ Златоуста, отправился съ такимъ отвѣтомъ къ императору. Оставалось теперь одно только средство, указанное самимъ Златоустомъ,—изгнать его вооруженною силою. Аркадій не имѣлъ на это рѣшимости,—но его колеблющемуся уму представился средній путь: онъ объявилъ архіепископу чрезъ чиновника, что императоръ назначаетъ ему темницей его собственный епископскій дворецъ, съ запрещеніемъ показываться въ церкви. Златоустъ повиновался, если не физическому, то нравственному принужденію; епископъ уступилъ для избѣжанія сильнаго скандала въ самой церкви. Рѣшеніе Аркадія было довольно странно; припоминая себѣ землетрясеніе, послѣдовавшее немедленно за первымъ изгнаніемъ Златоуста, онъ подумалъ: «мѣра, предлагаемая мнѣ епископами, или угодна, или негодна Богу: если она Ему угодна, то я докончу начатое; если же Богъ осуждаетъ ее, то Онъ выскажетъ это какимъ либо чудеснымъ знаменіемъ, и тогда я, не совершая никакого насилія, а напротивъ оберегая Златоуста близъ его церкви, могу немедленно возстановить его для исправленія всего дѣла». Конечно, такія мысли слишкомъ наивны, однако историки такъ именно объясняютъ дѣло: старое дитя хитрило съ Божиимъ правосудіемъ.

Знаменія не было, и императоръ ободрился; но Златоустъ, давъ свое полусогласіе на добровольный арестъ у себя дома, мучился угризеніями совѣсти. Страстная седмица, во время коей дѣлались приготовленія къ Пасхѣ, налагала на епископовъ особенныя обязанности, особенно въ день субботній, вмѣстѣ съ кануномъ Пятидесятницы назначаемый въ древней церкви для крещенія оглашенныхъ: обыкновенно при этомъ введеніи некрѣпкихъ въ христіанское общество присутствовалъ самъ епископъ, наставлявшій ихъ своими поученіями до того цѣлый годъ. Златоустъ зналъ, что въ страстную суб-

боту у купели его церкви явится три тысячи оглашенных для крещенія, и, помѣрѣ того какъ приближалось это время, сильно укорялъ самого себя въ пренебреженіи священнаго долга, въ оставленіи беззащитнымъ своего стада, за которое добрый пастырь долженъ полагать свою душу, и въ навлеченіи на него можетъ быть еще тяжелѣйшаго зла, чѣмъ какого онъ думалъ избѣжать. Послѣ долгаго размышленія онъ рѣшился отправиться въ страстную субботу въ церковь и исполнять свои епископскія обязанности. Дѣйствительно, утромъ въ субботу Златоустъ явился въ церковь, гдѣ тысячи оглашенныхъ уже толпились въ галлерей, ожидая наступленія своего времени,—и литургія началась. Его стражѣ было строго запрещено насиліе, и она не осмѣлилась потому остановить его,—но поспѣшила во дворецъ и передала случившееся императору. Аркадій сильно смутился: употребить силу для поддержанія своего достоинства мѣшало ему уваженіе къ обычному миру этихъ великихъ дней; да притомъ онъ опасался возбудить движеніе въ народѣ, приливавшемъ къ храму св. Софіи со всѣхъ концовъ города и изъ селъ. Онъ потребовалъ къ себѣ Антиоха и Акакія, передалъ имъ случившееся и съ неудовольствіемъ сказалъ: «видите, что вы мнѣ насовѣтовали! Скажите же, что теперь дѣлать». Смущенные епископы возразили, что они ничего не совѣтовали несправедливаго, что Іоаннъ болѣе не епископъ и не имѣетъ права священнодѣйствовать, и, настаивая на его осужденіе, воскликнули: «мы принимаемъ на свои головы его осужденіе», напоминая этимъ крикомъ чувства іудеевъ, говорившихъ Пилату о распятіи Іисуса: «кровь его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ». Императоръ, успокоенный такимъ объявленіемъ и считая себя уже не отвѣтственнымъ за послѣдствія, приказалъ немедленно отправиться въ церковь, силою схватить Златоуста и препроводить его въ епископское жилище. Солдаты отправились исполнять приказаніе.

Между тѣмъ во храмѣ св. Софіи началось таинство крещенія: заклинанія были уже произнесены, миро и вода были освящены, діаконы и діакониссы стояли на своихъ мѣстахъ съ одеждами и оглашенные по порядку вступали въ купели, какъ у дверей послышался ужасный шумъ, и толпа солдатъ съ обнаженными мечами ворвалась въ храмъ. Прежде всего они схватили Златоуста и грубо повлекли его вонъ, не смотря на его протестъ; потомъ одни отправились къ крещальнямъ, а другіе на хоры и въ святилище. Вошедшіе въ мужескія крещальни сабельными ударами заставляли очищать купели, поражая выѣстъ и оглашенныхъ и клириковъ; въ этой суматохѣ многіе были ранены и «воды возрожденія людей, замѣчаетъ очевидецъ, окрасились человѣческою кровью». Въ женской крещальнѣ картина была еще печальнѣе: несчастныя женщины, испуганныя и полуодѣтыя, съ воплями бѣжали по церави, — а одна изъ нихъ, обсаумѣвъ отъ ужаса, совершенно нагая бросилась бѣжать по улицамъ города. Солдаты, проникшіе внутрь храма, разломали двери святилища и произвели тамъ оскверненія, при воспоминаніи о которыхъ ужасался полѣтка спустя церковные писатели. Многіе изъ этихъ грубыхъ солдатъ были язычники, — они положили нечестивыя руки на священные предметы и окропили свои одежды кровью евхаристіи: «я молчу, восклицаетъ по этому поводу историкъ Созоменъ, чтобы не открыть невѣрнымъ того, что составляетъ наши тайны». Оглашенные и клирики, изгнанные изъ церкви, условившись собраться въ другомъ мѣстѣ, и именно въ термахъ Констанція, гдѣ должно было окончиться крещеніе; извѣстіе о томъ, переходя изъ устъ въ уста, скоро собрало тамъ множество христіанъ всякаго состоянія и возраста.

Термы или общественныя бани, построеніе коихъ приписывали императору Констанцію, были самымъ обширнѣйшимъ зданіемъ въ городѣ и находились въ самой многолюдной части его. Оглашенные съ священниками и діаконами

заняли ихъ, освятили въ бассейнахъ воду, придали всему священную обстановку, — и свѣтское мѣсто преобразилось въ церковь; на поспѣшно устроенномъ алтарѣ стали продолжать священнослуженіе, прерванное вооруженною силою. Пѣніе псалмовъ, раздававшееся вокругъ, и распространившаяся молва поспѣшно приводили сюда дѣльныя массы народа. Такой оборотъ дѣла разрушалъ планы Северіана и его единомышленниковъ, желавшихъ совершить крещеніе своими клириками, и дѣлалъ бесполезнымъ вторженіе въ храмъ св. Софіи. Они отправились къ начальнику придворной стражи и требовали отъ него разогнать силой эти мятежныя толпы, которыя, по ихъ словамъ, были собраны Златоустомъ для совместнаго возмущенія противъ императора: «тутъ нѣтъ болѣе государя, говорили они, нѣтъ правительства, — здѣсь правителемъ и повелителемъ Іоаннъ». Начальникъ придворной стражи, Авикий былъ человекъ прямой и умѣренный, который оставался вѣрнымъ императору, но порицалъ придворныя интриги и сердочно былъ преданъ Златоусту; предложеніе епископовъ не понравилось ему: «уже поздно, сказалъ онъ, скоро наступитъ ночь, а массы народа, говорятъ, значительны и насиліемъ можетъ повести за собой большія бѣды». — «Но если это будетъ сдѣлано, сказалъ ему Акакій, то мы, совѣтники императора, явимся предъ нимъ обманщиками; ибо мы постоянно говорили ему, что народъ презираетъ Іоанна и не хочетъ имѣть его своимъ епископомъ. Если императоръ, выйдя изъ дворца, найдетъ церковь пустою и народъ собравшимся въ другомъ мѣстѣ, то онъ подумаетъ, что мы обманули его, и будетъ считать насъ лживыми людьми. А дѣло между тѣмъ можно сдѣлать очень просто: стоитъ только прекратить это мятежное сходбище, объявивъ народной толпѣ, обольщаемой нѣсколькими личностями, что ея мѣсто въ храмѣ, куда заставляютъ ее возвратиться волей — неволей». Анеимій зналъ, какую силу имѣетъ Акакій и его друзья у императрицы и

какъ опасно совершенно отказывать ему: «дѣлайте, сказалъ онъ наконецъ, какъ вамъ угодно, на васъ возлагаю я отвѣтственность; отыщите моего помощника Люція и уладьте дѣло съ нимъ, но только безъ насилій». Въ распоряженіи Люція находился отрядъ придворной стражи, набираемый изъ грубыхъ оракійцевъ, полу-варваровъ и язычниковъ; самъ Люцій былъ также язычникъ, грубый, но аккуратный солдатъ. Инструкціей Анеимія ему запрещалось употреблять оружіе противъ безоружной массы, и потому онъ, отправившись къ термамъ, оставилъ своихъ солдатъ у входа и обратился къ собравшемуся тамъ народу съ возможно-убѣдительными словами: «что здѣсь не мѣсто крещенія и священнослуженія, что для этого есть церкви, остающіяся теперь пустыми, куда они и должны возвратиться, что этого хочетъ и самъ императоръ». Но рѣчь Люція имѣла мало успѣха: оглашенные не оставляли своей купели, пѣніе псалмовъ не прекращалось, и толпа стала наконецъ смѣяться надъ нимъ; яростный и униженный, онъ ушелъ однако, повинаясь приказаніямъ своего начальника. У дворца, куда возвращался онъ, встрѣтилъ его Антиохъ и осыпалъ его насмѣшками: «какъ, сказалъ онъ ему, вы были съ солдатами и позволили такъ насмѣяться надъ собой и императорскимъ приказаніемъ? Хорошихъ же милостей заслуживаете вы!». За тѣмъ онъ осыпалъ его блестящими обѣщаніями и *«давалъ ему золотыя слова»*, по выраженію современнаго писателя; наконецъ склонилъ его на свою сторону, ободрилъ солдатъ щедротами и отправилъ его на вторую рѣшительную попытку. Однако Люцій хотѣлъ непременно имѣть во главѣ своего отряда нѣсколько духовныхъ лицъ, которые бы направляли дѣло и снимали съ него отвѣтственность, и Антиохъ далъ ему двухъ своихъ діаконовъ. Подъ такимъ двойнымъ начальствомъ отрядъ двинулся къ термамъ Констанція. На этотъ разъ не было ни предваренія, ни рѣчи. Разъяренный Люцій,

вооружившись палкой или дрвкомъ отъ коня, прыгнулъ въ главную купель и принялся бить оглашенныхъ направо и налѣво: діаконъ, миропомазывавшій крещаемыхъ, получивъ ударъ по рукѣ, разлилъ св. миро, старецъ-пресвитеръ, совершавшій таинство, упалъ съ разбитой головой и окровавилъ крещальный источникъ. Примѣръ былъ данъ солдатамъ, и они уже не знали никакихъ мѣръ: одни поспѣшили въ женскую уборную и расхищали тамъ одежды и драгоценности, другіе бросились на алтарь и тащали себѣ шолковые покровы и священные сосуды; священнослужителей въ облаченіи били и попирали ногами, оскорбляли женщинъ, и давили матерей съ дѣтьми. Такими насиліями вся эта масса была изгнана, разбѣгана и преслѣдуема даже по улицамъ сабельными ударами; но никто изъ нея не отправился въ храмы.

Между тѣмъ плачевный день страстной субботы представлялъ съ утра болѣе утѣшительную картину. Сорокъ или сорокъ два епископа, державшіе на соборѣ сторону Златуста, сдѣлали послѣднюю попытку спасти его. Узнавъ, что императоръ и императрица по обыкновенію посѣщали теперь мартиріи (такъ назывались въ первенствующей церкви храмы или часовни, гдѣ были положены тѣла мучениковъ за вѣру), они улучили минуту приблизиться къ императору и, бросившись къ его ногамъ, слезно заклинали его «пощадить церковь Христову и, изъ уваженія къ Пасхѣ и ожидавшимъ крещенія оглашеннымъ, возвратитъ имъ ихъ епископа». Императоръ слушалъ ихъ, но императрица высокомерно удалялась отъ нихъ. Тогда одинъ изъ нихъ, Павелъ епископъ кратійскій, поднявшись раздраженный, сказалъ ей: «Евдоксія! побойся Бога и пожалѣй своихъ дѣтей; не нарушай св. праздниа Христова кровопролитіемъ», Императрица пошла далѣе. Смущенные епископы раздѣлились, и каждый печально пошелъ къ себѣ, одни оплакивать бѣдствія церкви, а другіе молиться

у себя дома, опасаясь осквернить себя въ храмахъ, гдѣ поражались уже ихъ преслѣдователи.

Народныя толпы были разсѣяны у термъ Констанція въ началѣ ночи; онѣ разошлись по разнымъ направленіямъ и присоединя къ себѣ встрѣчныхъ, пошли на поля съ своими священнослужителями продолжать служеніе страстной субботы, по древнему обычаю не прекращающееся до первыхъ цѣтукъ. Одна изъ этихъ массъ, въ нѣсколько тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, среди коихъ выдавались своими бѣлыми одеждами оглашенные, остановилась близъ мѣста, называемаго Чептонъ, потому что тамъ стоялъ пятый помилый столбъ отъ константинопольскаго форума. На другой день, императоръ, совершая свою обыкновенную прогулку, равнымъ утромъ, виѣ города съ своей свитой, не безъ изумленія замѣтить собравшуюся на полѣ толпу и бѣлыя одежды оглашенныхъ, сіявшія отъ первыхъ лучей солнца. «Что это за люди?» съ любопытствомъ спросилъ онъ одного изъ своей свиты. «Это послѣдователи одной еретической секты, замѣтить тотъ, которые пренебрегаютъ храмами и собираются тутъ». Велите разогнать ихъ отсюда, и захватить ихъ учителей», сказалъ императоръ, и отправился далѣе. Отправленные съ этимъ порученіемъ солдаты бросились на эту безоружную массу, какъ будто на непріятельскую армію: мужчины, женщины, дѣти, клирики и міряне—все это было сбиваемо съ ногъ, попираемо лошадьми и поражаемо мечами и копьями. Захвативъ священниковъ и оглашенныхъ, солдаты принялись грабить, такъ какъ здѣсь много было людей богатыхъ и въ праздничныхъ одеждахъ: они срывали съ женщинъ ожерелья и серьги, «съ концомъ уха для большей скорости», замѣчаетъ очевидецъ, а также туники и одежды, если онѣ были дорогія; одна изъ нихъ, прекрасная и богатая жена Елевөөрія, знатнаго константинопольскаго гражданина, переодѣлась

въ платьѣ своей служанки и тѣмъ только ускользнула отъ оскорбленій грабителей. Послѣ такихъ подвиговъ отрядъ съ торжествомъ возвратился въ городъ, влача за собой связанныхъ священниковъ и оглашенныхъ, которые и были посажены въ темницы. Тоже самое происходило и на другихъ поляхъ, гдѣ преслѣдуемые вѣрующіе думали собираться, напр. въ большомъ загородномъ циркѣ, построенномъ Константиномъ и называвшемся Ксилокерке, т. е. деревяннымъ циркомъ; здѣсь противъ нихъ велась цѣлая осада, какъ противъ крѣпости. Это была внутренняя война съ людьми не сражавшимися. За военными экспедиціями слѣдовали полицейскіе розыски и преслѣдованія: вторгались въ дома, гдѣ подозрѣвали тайныя собранія; при малѣйшемъ подозрѣніи бросали въ тюрьму приверженцевъ Златоуста, которые начинали въ самыхъ опредѣленіяхъ закона получать имя *іоаннитовъ*, какъ будто они составляли секту внѣ церкви. Тюремы наполнились множествомъ клириковъ и мірянъ, подозрѣваемыхъ въ этомъ преступленіи; но они мужественно переносили такіа преслѣдованія за своего пастыря, съ которымъ въ ихъ глазахъ отождествлялись іерархическая законность и вѣра. Едва успѣвали эти оригинальные преступники собираться въ темницахъ, какъ начиналось пѣніе гимновъ, а если между ними былъ священникъ, то совершалось богослуженіе: «тогда, говоритъ современникъ, темницы были истинными храмами Божиими, а храмы—мѣстомъ неправды и хулы», отъ которыхъ вѣрные бѣжали, какъ отъ зараженныхъ, если не надѣялись встрѣтить тамъ духовенства, приверженнаго къ Златоусту.

IV. Во время послѣднихъ происшествій, занимавшихъ весь городъ, соборъ тайно оканчивалъ свои засѣданія, которыми никто уже не интересовался, зная напередъ, чѣмъ они окончатся. Дѣйствительно, было постановлено, что Іоаннъ Златоустъ, низложенный съ своей катедры и потомъ самовольно возвратившій ее себѣ, этимъ самымъ уже отлучилъ

себя отъ церкви, и что теперь—дѣло свѣтской власти исполнить касательно его церковные каноны. Послѣ такого опредѣленія епископы разошлись, радуясь, что доставили удовольствіе императрицѣ подтвержденіемъ прежняго собора и отдѣлались сами отъ затрудненій почти невозможнаго разслѣдованія постановленій послѣдняго. Такимъ образомъ Златоустъ былъ отданъ въ руки свѣтской власти, но эти руки сами трепетали, когда настало время дѣйствовать; на Аркадія напали новые страхи, и онъ оставилъ осужденнаго въ прежнемъ положеніи, сдѣлавъ только его арестъ стѣснительнѣе и труднѣе. Златоустъ былъ подвергнутъ домашнему аресту въ своемъ епископскомъ дворцѣ предъ праздникомъ Пасхи и находился въ такомъ положеніи до праздника Пятидесятницы; во все это время Аркадій не рѣшался ни перевести его въ другую темницу, ни отправить въ ссылку.

Что же дѣлалось съ этимъ человѣкомъ, украшеніемъ восточной церкви, вторично преданнымъ своими собратіями въ руки неумолимыхъ враговъ, во время столь жестокаго, хотя къ несчастію слишкомъ предвидимаго удара? Нисколько не теряя ясности и спокойствія духа, Златоустъ убѣдился теперь, что ему нечего уже ожидать отъ восточныхъ епископовъ ни для своего оправданія, ни для своей жизни, что въ родной церкви ему не пайти никакой помощи противъ угнетенія и клеветы; но сами же враги, казалось, указали ему путь защиты, бросивъ въ пренія о немъ воспоминаніе объ Аѳанасіѣ. Аѳанасій, подобно ему жертва императорскаго гнѣва, преслѣдуемый ненавистью на соборахъ, осужденный, низложенный и изгнанный своими восточными братьями, нашелъ правосудіе на западѣ; туда перенесъ онъ свое дѣло и тамъ получилъ блестящее удовлетвореніе частію предъ римскою церквію, частію предъ соборомъ сардійскимъ. Вотъ примѣръ, представившійся уму Златоуста. Впрочемъ было раз-

личіе въ положеніи того и другаго: Аѳанасій былъ свободенъ и самъ могъ идти въ Италію, подкрѣпляя апелляцію своимъ громовымъ краснорѣчіемъ, помогшимъ ему нѣкогда въ Никее отстоять православіе; а Златоустъ былъ въ плѣну и ему вездѣ заграждали уста, такъ что на обоихъ соборахъ враги торжествовали отъ его молчанія,—и теперь предъ западными епископами могла явиться только письменная защита его, которую искуснымъ врагамъ его легко было переименить или опровергнуть въ его отсутствіе. Не смотря на то, Златоустъ остановился на этой мысли и составилъ апелляцію къ западной церкви противъ постановленій двухъ соборовъ. Онъ сдѣлалъ это до отъѣзда изъ Константинополя сорока епископовъ, державшихъ его сторону, потому что ему хотѣлось, чтобы они засвидѣтельствовали, какъ очевидцы, происходившее въ ихъ глазахъ; кромѣ того два діакона, какъ представители константинопольскаго духовенства, должны своими объясненіями лично подтвердить истину фактовъ въ его апелляціи, а также свидѣтельства епископовъ. Апелляція была составлена въ видѣ посланія къ Иннокентію, епископу римскому, Венерію, епископу миланскому, и Хроматію, епископу аквилейскому. До насъ дошла только копія съ посланія къ Иннокентію; но можно видѣть изъ самаго содержанія ея, что и два другія посланія должны быть сходны съ первымъ. Оно начинается такъ: «Почтеннѣйшему и святѣйшему епископу Иннокентію Іоаннъ желаетъ благоденствія о Христѣ. Мы думаемъ, что и до полученія нашего посланія молва о совершенномъ здѣсь погумненіи дошла до вашего благочестія; потому что важность преступленія такова, что нѣтъ мѣста во вселенной, гдѣ бы не вознегодовали слыша о немъ, не скорбѣли и не рыдали. Но разсудить, что столь печальныя злодѣянія требуютъ не только скорби и слезъ, но и скорыхъ уврачеваній; и что пужно благоразумно подумать объ умиротвореніи бури колеблющей церковь,—я убѣждалъ почтеннѣй-

*

шихъ и уважаемыхъ епископовъ Димитрія, Пансофія, Палпа и Евгенія, оставивъ свою паству и испытавъ долгое морское путешествіе, прибѣгнуть къ вашей любви, изложить подробности событій и съ помощію вашихъ разсужденій извлечь дѣйствительное врачевство для нашихъ скорбей. Мы дали имъ въ спутники дорогихъ и почтенныхъ нашихъ діаконѣвъ— Павла и Киріака, которые, помимо письма, словесно представляютъ вашей любви желаемыя свѣдѣнія». Затѣмъ Златоустъ излагаетъ подробно все дѣло. Яркими красками изображаетъ онъ дерзость и безстыдство Теофила александрійскаго, который, будучи потребованъ императоромъ въ Константинополь для оправданія своихъ поступковъ съ длинными братьями, прибылъ съ отрядомъ египтянъ, не захотѣлъ видѣть мѣстнаго епископа и имѣть общеніе съ нимъ, прошелъ мимо епископской церкви и остановился внѣ города. Затѣмъ описалъ всѣ интриги и преступные замыслы, подготовившіе первый соборъ, нарушеніе всѣхъ каноническихъ правилъ, развращеніе мѣстнаго клира, оставляющаго свои церкви для обвиненія его, самый соборъ, составленный изъ его противниковъ и заправляемый, не смотря на его протесты, его отъявленными врагами, и свою апелляцію къ будущему собору; потомъ описалъ свое изложеніе, которое, какъ и обвинительные пункты, никогда не было объявлено ему, свой арестъ и отправленіе въ ссылку, скорое возвращеніе и возстановленіе на мѣстѣ, наконецъ постыдное бѣгство Теофила ночью на плохомъ суднѣ изъ боязни народнаго мщенія. За этимъ изложеніемъ слѣдовалъ очеркъ происшествій послѣ его возвращенія, гдѣ Теофилъ опять является душою новыхъ преслѣдованій: на второмъ соборѣ, котораго онъ самъ требовалъ для своего оправданія, Златоустъ обвиняется не въ тѣхъ мнимыхъ преступленіяхъ, за которыя онъ былъ изложенъ первымъ соборомъ, но въ новомъ и неслыханномъ поступкѣ,—въ томъ, что онъ

вступилъ въ управленіе своею церковію безъ соборнаго разрѣшенія, въ противность навѣстимъ канонамъ антиохійскаго собора, какъ будто этотъ соборъ не былъ аріанскимъ, какъ будто Златоустъ виновенъ во всемъ происшедшемъ, какъ будто его низложеніе было строго-законно, его изгнаніе—правильно и его возвращеніе—добровольно. Посланіе излагало все это, а также преслѣдованія, поднятыя противъ него и его собратій чиновниками императорскаго двора по внушенію нѣкоторыхъ сирійскихъ епископовъ, креатуръ и орудій Θεοφιλα. Въ этомъ изображеніи разсыпаны бтестящіе образцы краснорѣчія, не уступающіе проповѣдямъ великаго оратора; вотъ напр. какъ описываетъ онъ сцены, совершавшіяся въ страстную субботу во храмѣ св. Софіи. «Увы! какъ описать вамъ эти сцены, предъ которыми блѣднѣетъ самая ужасная трагедія? Какое слово человѣческое достаточно для изображенія ихъ? Какое ухо выслушаетъ ихъ безъ ужаса? Въ день великой субботы, когда солнце склонялось уже къ вечеру, многочисленная толпа воиновъ ворвалась въ храмъ, силой разогнала все духовенство, окружавшее насъ, и бросилась съ обнаженными мечами на святые алтари. Женщины, сбросившія свои одежды для полученія крещенія, разбѣжались и разбѣжались почти нагія, забывъ отъ ужаснаго страха приличіе и стыдливость своего пола; многія изъ этихъ несчастныхъ были ранены, кровью ихъ окрасились воды крещальныя, и спасительный источникъ человѣческаго возрожденія представлялъ видъ побоища. Но это еще не все. Воины расторгаютъ страшную завѣсу, скрывающую таинства; между этими людьми были язычники; они могли все видѣть, на все дерзавъ, и въ святейшей святѣйшей кровѣ Христа обогрѣли ихъ одежды. Хуже этого не бываетъ и въ городѣ, взятомъ приступомъ варварами». Посланіе заключалось слѣдующимъ образомъ: «что сказать мнѣ о другихъ церквахъ, какъ не то,

что онѣ подвержены такой же смутѣ, такимъ же волненіямъ? Ибо зло не ограничивается Константинополемъ, но распространяется по всему востоку. Какъ въ тѣлѣ человѣческомъ легко заражаются члены, когда испорченные соки идутъ отъ головы; такъ точно безпорядки и преступленія, явившись въ великой столицѣ, скоро отражаются и въ городахъ второстепенныхъ. Въ настоящее время вездѣ замѣтны движенія и образуются партіи, вездѣ клиръ возстаетъ противъ своихъ епископовъ, и вѣрующіе отдѣляются отъ тѣла церкви; вездѣ наконецъ свирѣлствуетъ эта язва, и скоро весь міръ представить одну картину опустошеній и святотатственныхъ покушеній. При мысли о такихъ бѣдствіяхъ, почтенные и уважаемые отцы, покажите твердую рѣшимость, достойную вашей ревности, силы и постоянства; изгоните, изгоните, молимъ васъ, этотъ бичъ, опустошающій церкви; потому что если такой образъ дѣйствія войдетъ въ обыкновеніе, если станутъ приходить изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ въ область другого—вмѣшиваться въ его дѣла, изгонять и замѣщать его по своему произволу, то что это будетъ, какъ не всеобщая война и всесвѣтное опустошеніе? Итакъ, изъ опасенія, чтобы эта ужасная смута не разлилась повсюду, молю васъ—напишите и объявите своею властію, что всѣ несправедливости, жертвой коихъ сталъ я, не имѣютъ значенія, безсильны и недѣйствительны. Подвергните церковному осужденію совершившихъ эти неправды, а меня неповиннаго, не сознавагося и не уличеннаго ни въ одномъ преступленіи возвратите моей церкви для общаго мира и любви. Пусть виновники столькихъ бѣдъ; если захотятъ обвинять меня въ мнимыхъ преступленіяхъ, пусть сообщать они мнѣ свои обвиненія, пусть обвинительные пункты будутъ предъявлены мнѣ и всему міру, пусть они предстанутъ со мною предъ истиннымъ и безпристрастнымъ судилищемъ: я никогда не откажусь и не уклонюсь

отъ этого, я самъ всегда просилъ и теперь прошу того же. Да, пусть меня судятъ: это будетъ моимъ оправданіемъ, такъ какъ все сдѣланное со мной было сдѣлано противно всякому разуму, всякому праву и правилу, противно всѣмъ церковнымъ законамъ. Такъ не судятъ человѣка и у самихъ варваровъ: скифы и сарматы не осуждаютъ человѣка, не выслушиваютъ его и не допуская его на судъ, тогда какъ онъ проситъ суда, признаетъ себя невиннымъ и готовъ предъ лицомъ всего свѣта опровергнуть взводимыя на него обвиненія. Удостойте же размыслить объ этомъ дѣлѣ, которое подробнѣе и яснѣе могутъ изложить вамъ почтенные епископы, и поступить по своей ревности и любви къ истинѣ. Этими вы поможете не мнѣ только одному, но и всей церкви, и васъ благословитъ самъ Богъ, всегда творящій все для мира своихъ вѣрныхъ. То же самое мы написали Венерію миланскому и Хроматію аквилейскому. Прощайте о Господѣ».

Какъ и говорилось въ посланіи Златоуста, четыре епископа изъ соборнаго меньшинства—Димитрій пессинунтскій изъ Галатіи, Пансофій писидійскій, Паппъ сирійскій и Евгеній фригійскій (каведры коихъ неизвѣстны) должны были отправиться въ Италію съ тремя его посланіями; діаконъ Павелъ и Киріакъ должны были сопровождать ихъ отъ имени вѣрнаго клира. Рѣшено было, что это небольшое посольство отправится вѣрнѣйшимъ, хотя болѣе долгимъ и утомительнымъ, морскимъ, а не сухимъ, путемъ, изъ боязни интригъ епископовъ и насилія чиновниковъ. Посланнымъ удалось тайно пробраться на судно, идущее на западъ, и они оставили Константинополь, полные радости и надеждъ. Но какъ ни поспѣшили Златоустъ съ своими посланіями, онъ былъ уже предваренъ въ Римѣ ненавистью Теофила. Едва alexandрійскій патріархъ узналъ о постановленіи втораго собора, подтвердившемъ изложеніе своего соперника и отлученіе его отъ

церкви, какъ тотчасъ послѣшили увѣдомить о томъ папу Иннокентія, для того, чтобы тотъ немедленно прервалъ свое общеніе съ осужденнымъ, и съ этимъ намѣреніемъ отпраздиль александрійскаго чтеца съ письмомъ, которымъ «папа Теофилъ (такъ выражается историкъ) извѣщаетъ папу Иннокентія» о случившемся въ Константинополѣ. Это письмо, повелительнаго до неприличія тона, походило болѣе на приказаніе, чѣмъ на увѣдомленіе: въ немъ Теофилъ говорилъ, что онъ низложилъ Іоанна, не изъясняя, съ кѣмъ это было сдѣлано, по какой причинѣ и какимъ образомъ, какъ будто подобныя дѣла принадлежали только одной его верховной волѣ. Читая такое письмо, Иннокентій былъ удивленъ имъ, жаловался на надменность выражений и не отвѣчалъ на него. Въ Римѣ въ эту пору былъ Евсевій, константинопольскій діаконъ, по какимъ-то дѣламъ восточной церкви; узнавъ о письмѣ Теофила, онъ послѣшилъ представить Иннокентію прошеніе, въ которомъ заклиналъ его не торопиться съ своимъ мнѣніемъ о тѣхъ происшествіяхъ, пока не получатся болѣе подробныя извѣстія. Дѣйствительно, чрезъ три дня послѣ этого прибыли въ Римъ посланные Златоустомъ епископы. Принесенныя ими посланія и личныя ихъ объясненія открыли Иннокентію всю важность совершившагося въ восточной церкви; подоспѣли и другіе документы—самые акты обоихъ соборовъ, принесенные двумя агентами Теофила, Петромъ, пресвитеромъ александрійскимъ, и Мартиріемъ, діакономъ константинопольскимъ, изъ партіи враждебной Златоусту. Когда освѣтилось, такимъ образомъ, все дѣло,—Иннокентій ужаснулся. Онъ видѣлъ теперь, что дѣло идетъ не о личномъ для него вопросѣ, какъ поставилъ его александрійскій патріархъ, спрашивающій—будетъ или не будетъ римскій епископъ имѣть общеніе съ низложеннымъ архіепископомъ,—а объ общемъ интересѣ, о дисциплинѣ всей вселенской церкви. Въ самомъ дѣлѣ, два

собора, противъ постановленій коихъ апеллировалъ Златоустъ, казалось, были ослаблены страстями и состояли изъ однихъ неправильностей и насилій; процедура ихъ оскорбляла самыя простѣйшія правила справедливости; ихъ судъ, произведенный безъ разбора возраженій и притомъ отъявленными врагами обвиняемаго, былъ безсовѣстенъ; наконецъ самыя почтенныя лица восточной церкви играли здѣсь роль, недостойную ихъ епископскаго достоинства, и самая честь церкви требовала, чтобы опредѣленія этихъ соборовъ были судимы въ свою очередь. Потомъ, какое открывалось тамъ соблазнительное нарушение самыхъ спасительныхъ законовъ церковной іерархіи! Какъ понять, напримѣръ, чтобы епископъ, законно призванный управлять церковію свободнымъ ея избраніемъ и изволеніемъ Св. Духа, могъ быть низложенъ завистію другаго епископа, поднимающаго противъ него ревнивую ненависть и собирающаго, для удовольстворенія ей, соборъ изъ слабыхъ или недостойныхъ епископовъ, и притомъ подъ вліяніемъ виѣшней власти? И притомъ этотъ низложенный епископъ занималъ одну изъ первыхъ кафедръ христіанскаго міра! Оставить безнаказанными такіе поступки—значило бы открыть путь неисчислимымъ безпорядкамъ, угрожавшимъ существованію самой церкви, основанной Христомъ и Его апостолами. Когда Иннокентій размышлялъ обо всемъ этомъ,—ему представлялось действительнымъ противъ такихъ бѣдствій одно средство—созданіе вселенскаго собора, который бы уничтожилъ постановленія этихъ двухъ соборовъ и возстановилъ въ восточной церкви самыя строгіе дисциплинарныя законы. Ему казалось ~~неоспоримо~~ ^{неоспоримо}, въ настоящемъ случаѣ слѣдовало бы устранить ~~отъ присутствія~~ ^{отъ присутствія} на вселенскомъ соборѣ какъ извѣстныхъ сторонниковъ Златоуста, такъ и его отъявленныхъ враговъ, чтобы судъ могъ быть начатъ вновь умами непредубѣжденными и сердцахъ свободными отъ всѣхъ предъидущихъ столкновен-

ній; впрочемъ послѣднее не касалось Теофіла александрійскаго, главнаго защитника и предводителя обоихъ соборовъ, — потому что, призывая на соборъ Златоуста, было бы справедливымъ призвать вмѣстѣ съ нимъ и его врага, но въ качествѣ не судьи, а обвинителя.

Въ вѣчномъ городѣ, на этотъ разъ, былъ самъ Гонорій. Онъ отъ души одобрилъ предположеніе Иннокентія о созваніи западныхъ епископовъ; но, часто неосмотрительный въ сужденіи о своихъ или чужихъ дѣлахъ, онъ сильно настаивалъ на томъ, что дѣло созванія восточныхъ епископовъ принадлежитъ его брату—Аркадію. Послѣдствія показали, что, принимая такое именно рѣшеніе, Гонорій слишкомъ ошибался въ своемъ братскомъ вліяніи на Аркадія, а тѣмъ болѣе на Евдоксію. Въ то время какъ римскій епископъ съ обычною мудростію заботился о приготовленіяхъ къ собору, Венерій миланскій и Хроматій аквилейскій, вооруженные посланіями Златоуста, заботились о пріобрѣтеніи ему приверженцевъ между епископами верхней Италіи: услуги Венерія были вознаграждены благодарностію Златоуста, дважды писавшаго ему изъ своей ссылки, а о ревности Хроматія въ пользу этого справедливаго дѣла свидѣлствуетъ блестящимъ образомъ рескриптъ на его имя императора Гонорія. Всецѣло преданный этимъ заботамъ, Иннокентій не забылъ и о духовныхъ средствахъ, могущихъ призвать на его предпріятіе помощь и благоволеніе неба: онъ предписалъ постъ во всей римской церкви и, самъ подавая другимъ примѣръ, слезно молилъ у подножія алтарей милосердаго Бога о возвращеніи правды и восстановленіи единенія церквей. Въ тоже время онъ написалъ два посланія: одно Златоусту въ отвѣтъ на его апелляцію, а другое Теофілу, объявляя ему о скоромъ призваніи его на вселенскій соборъ. Первое проникнуто характеромъ осторожности, очень понятной со стороны будущаго

судьи; но и подъ этой холодной наружностью виднѣлись благородное довѣріе къ правотѣ обвиненнаго и теплое состраданіе къ его бѣдствіямъ. «Не думаю, писалъ онъ ему, уважаемый собратъ мой, чтобы бѣдствія были сильны ослабить васъ до того, чтобы собственная спокойная совѣсть не утѣшала васъ. Вамъ, владыкѣ и пастырю народовъ, нѣтъ надобности доказывать, что преслѣдованія посылаются для испытанія добродѣтели, когда она возвышается надъ ихъ силою. Спокойная совѣсть, дѣйствительно, самое лучшее средство противъ всѣхъ несправедливыхъ случайностей, и не умѣющіе терпѣливо и самоотверженно переносить ихъ полагаютъ такимъ малодушіемъ только худое состояніе своей души. А ваша душа, очищенная долговременными страданіями, достигнетъ желанной цѣли по милосердію Господа, взирающаго и судящаго васъ съ высоты небесъ». Второе посланіе написано совершенно въ другомъ тонѣ и достаточно показываетъ, какъ мало уважалъ Иннокентій александрійскаго патріарха, котораго поведеніе онъ уже оцѣнить. «Братъ нашъ Теофилъ, писалъ онъ ему: мы опредѣлили, какъ и прежде писали, принять въ наше общеніе васъ и нашего брата Іоанна; упорствуя въ этомъ намѣреніи, мы и теперь повторяемъ вамъ тоже самое. И если бы вы писали намъ еще тысячу разъ,—невозможно намъ отлучить отъ общенія Іоанна, развѣ только послѣ справедливаго и законнаго суда надъ всѣмъ происшедшимъ тамъ. Итакъ, если вы надѣетесь на себя, то поспѣшите на соборъ, имѣющій скоро открыться, и позаботьтесь приступить къ нему по канонамъ и опредѣленіямъ никейскаго собора, потому что римская церковь не принимаетъ другихъ (это были намеки на каноны антиохійскіе). Пусть только будетъ на вашей сторонѣ правда,—и мы не замедлимъ признать превосходство вашего дѣла».

Это письмо немедленно дошло до Теофила, но другое, переданное діакону Киріаку, не имѣло такойже судьбы; въ это время случились новыя происшествія,—и Златоуста уже не было болѣе въ Константинополѣ.

V. Въ то время какъ происходило въ Римѣ описанное, враждебная Златоусту партія, безпокоясь возможностью разныхъ случайностей и негодуя на медленность Аркадія, противъ коей безсильны были даже настойчивыя прихоти Евдоксіи, раздумывала, какъ бы вывести императора изъ такого колебанія, или покончить дѣло безъ него. Северіанъ и его соучастники — епископы особенно опасались вышательства римской церкви и императора Гонорія, могущаго ихъ частныя распри возвести на степень общаго вопроса, и нетерпѣніе ихъ переходило въ ярость. Изъ высшаго епископскаго кружка это злобное волненіе переходило въ низшіе слои, гдѣ преступленіе считается обычнымъ средствомъ устранить затрудненія. И вотъ случилось, что однажды утромъ предъ дворцомъ, гдѣ Златоустъ содержался, человѣкъ, съ виду бѣсноватый, среди судорогъ, отвлекавшихъ всякое подозрѣніе, высматривалъ удобное время проскользнуть на дворъ и войти въ самое зданіе, но былъ во время этой попытки схваченъ, и при немъ нашли кинжалъ. Никто не сомнѣвался въ его намѣреніи убить Златоуста, и привлеченная шумомъ толпа повела его къ городскому префекту для допроса; но Златоустъ, узнавъ объ этомъ, просилъ пощадить этого человѣка, и префектъ не замедлил исполнить его просьбу. Нѣсколько дней спустя другой человѣкъ отважился на подобное же покушеніе, вѣроятно ободренный безнаказанностію перваго. Видѣли, что человѣкъ, въ одеждѣ раба, шатается возлѣ дворца и наблюдаетъ за прислугой, ставшей уже осторожною послѣ покушенія,—что онъ, замѣтивъ двери незапертыми, прямо направился съ улицы къ епископскому жилищу, какъ будто

былъ посланъ съ важнымъ порученіемъ къ архіепископу. Одинъ прохожій, которому показались подозрительными его дѣйствія, остановилъ его уже на порогѣ, съ вопросомъ, — что ему нужно; но тотъ отвѣтилъ ему ударомъ ножа въ грудь. На крики раненаго прибѣжали другіе прохожіе и прислуга; они окружили убійцу, который впрочемъ защищался и ранилъ еще двухъ человѣкъ, а потомъ, махая окровавленнымъ кинжаломъ, пробился сквозь толпу и чуть не ускользнулъ, если бы не задержалъ его возвращавшійся изъ бани одинъ мѣстный житель, который впрочемъ также палъ отъ его удара; однако все это задержало убійцу, и преградившая ему путь толпа бросилась на него, овладѣла имъ и повела въ городскую преторію. Его нечего было и спрашивать: при немъ нашли три острыхъ ножа, и самъ онъ признался во всемъ, объявивъ, что онъ пришелъ съ намѣреніемъ убить Златоуста, получивъ за это пятьдесятъ золотыхъ монетъ, и что онъ былъ служитель пресвитера Елпидія (самаго ожесточеннаго врага Златоуста изъ низшаго духовенства), который и уговорилъ его на это. Народъ требовалъ немедленнаго суда надъ этимъ презрѣннымъ и хотѣлъ было разорвать его на части сейчасъ же; но судья объявивъ, что онъ немедленно разслѣдуетъ это дѣло, велѣлъ заковать его въ оковы и отвести въ темницу. Между тѣмъ семь жертвъ этого убійцы умерли одинъ за другимъ, — такъ были сильны и глубоки ихъ раны; въ тотъ же самый или на другой день хоронили четырехъ изъ нихъ, и на ихъ похоронахъ присутствовала громадная толпа народа, сѣнниваго заявить свою любовь къ Златоусту и негодованіе противъ пресвитеровъ, замышлявшихъ убійство. Такъ какъ собственное признаніе убійцы рѣшало всякія сомнѣнія, то судья оставалось только разыскать его сообщниковъ и затѣмъ показывать примѣръ строгости; но ничего этого не было, — ни одинъ сообщникъ не былъ отысканъ, и самъ убійца безслѣдно

пропалъ изъ темницы. Странность такого поведенія судьи, объясняемаго только приказаніями свыше, въ высшей степени раздражила народъ, который сталъ собираться толпами на главныхъ улицахъ города и самъ организовать постоянную стражу около дома Златоуста; народъ прямо говорилъ: «нужно хорошо бодрствовать надъ нашимъ отцомъ, потому что его тюремники не заботятся о немъ и пропускаютъ къ нему убійцъ».

Среди этихъ событій наступилъ праздникъ Пятидесятницы, и народъ сталъ собираться около храма св. Софіи густыми грозными массами. Въ императорскомъ дворцѣ приходили въ ужасъ, или притворялись въ томъ, и думали, что опасность грозитъ самой жизни императора: съ согласія императрицы, чегыре епископа, ввѣстители всѣхъ злыхъ совѣтовъ, рѣшились на послѣднюю попытку предъ Аркадіемъ. «Государь, сказали они ему (исторія сохранила ихъ слова): «самъ Богъ поставилъ тебя императоромъ для того, чтобы ты не подчинялся никому, а напротивъ, чтобы всѣ повиновались тебѣ,— и тебѣ позволено дѣлать все, что тебѣ угодно. Не будь же милостивѣе пресвитеровъ и святѣе епископовъ! Мы говорили тебѣ предъ всѣми: пусть низложеніе Іоанна падетъ на наши головы. Подумай же объ этомъ, и для пощады одного человѣка не губи насъ и всѣхъ съ нами». Въ другой разъ уже они приводили предъ императоромъ единственное для него доказательство—свою отвѣтственность предъ Божіимъ правосудіемъ; страхъ оставилъ его, и онъ рѣшился. Пятидесятница была въ 404 году пятаго іюня: пятнадцать дней спустя, еще предъ разсвѣтомъ, сильные военные отряды расположились въ разныхъ мѣстахъ около церкви и архіепископскаго дворца. Около полудня предъ Златоустомъ явился Патрикій, императорскій чиновникъ, съ такимъ приказомъ: «Акакій, Антіохъ, Киринъ и Северіанъ приняли на себя отвѣтственность въ дѣлѣ твоего

осужденія; итакъ предоставь свои дѣла Богу и уходи отсюда немедленно». Подобный приказъ, означавшій самыми выраженіями, что страхи Аркадія уже прошли, былъ ясенъ и не допускалъ возраженій,—замѣчаетъ историкъ. Златоустъ подалъ знакъ находившимся тутъ епископамъ и клирикамъ, что онъ желаетъ пойти въ церковь: «идите, сказалъ онъ имъ, помолимся и простимся съ ангеломъ церкви». Войдя въ церковь, онъ началъ молиться, какъ въ это время подалъ ему письмо отъ одного изъ приверженныхъ къ нему сильныхъ лицъ въ столицѣ: «поспѣвши, писало ему это лицо: безстыдный и наглый Люцій стоитъ недалеко отсюда и готовъ схватить и потащить тебя силой при твоёмъ отказѣ или замедленіи; народъ въ страшномъ волненіи, а потому уходи тайно, изъ опасенія схватки и кровопролитія между нимъ и войскомъ». Дѣйствительно, Златоустъ могъ отчетливо слышать ропотъ толпы, волнующейся около храма, подобно шуму бурнаго моря. Онъ тотчасъ поднялся, приказалъ служителямъ приготовить свою лошадь и привести ее къ западнымъ дверямъ церкви, какъ будто онъ хотѣлъ скоро выйти туда, а самъ, приблизившись къ плачущимъ епископамъ, обнявъ двухъ изъ нихъ и со слезами сказалъ: «я обвиняю въ лицѣ ихъ всѣхъ васъ, побудьте здѣсь, пока я немного успокоюсь предъ отъѣздомъ». Потомъ онъ направился твердымъ шагомъ къ вращальнѣ, гдѣ собрались его любимыя діакониссы; подзываетъ къ себѣ Олимпиаду, Пентадію, Ампрукту и Сильвину, онъ сказалъ имъ: «приблизьтесь, мои дщери, и хорошо выслушайте меня; о себѣ скажу вамъ, что со мною все покончено, путь мой пройденъ и вы, можете быть, не увидите меня болѣе,—но я заповѣдую вамъ одно—не забывайте уваженія къ церкви; кто бы ни сдѣлался моимъ законнымъ преемникомъ, повинуйтесь ему, какъ и мнѣ; ибо церковь не можетъ быть безъ епископа; окажите мнѣ этия милость и поминайте меня въ своихъ молитвахъ».

Слушая его слова, эти женщины бросились къ его ногамъ, прижимали ихъ къ своимъ губамъ и омывали слезами. Тогда онъ подозвалъ одного изъ пресвитеровъ и сказалъ ему: «удали ихъ, чтобы ихъ печаль не смущала народа». Его прощанье было кончено. Быстро пройдя храмъ, онъ достигъ восточныхъ дверей, гдѣ и отдался въ руки воиновъ, окружившихъ его. «Ангель церкви», говоритъ современникъ—описатель этой трогательной сцены, «улетѣлъ съ нимъ».

Между тѣмъ народъ долго ждалъ Златоуста у западныхъ дверей храма, гдѣ приготовлена была его лошадь, и наконецъ сталъ подозрѣвать что-то: одни поспѣшили къ гавани, откуда еще могли видѣть судно, на которомъ былъ Златоустъ съ нѣсколькими епископами и пресвитерами, плывущее по направлению къ Византіи, другіе выломали тайную дверь въ оградѣ и проникли въ церкви. Послѣдніе нашли церковь оберегаемую воинами, которые заняли ее послѣ отъѣзда Златоуста и заперли двери, не пуская туда никого; эти воины хотѣли выгнать подходящихъ сюда, коихъ число постоянно возрастало, но тѣ стали сопротивляться, и на церковныхъ плитахъ завязалась кровопролитная схватка. Толпа же скончившаяся у большого портика, слыша извнутри крики и стукъ оружія, подумала, что тамъ дѣлаютъ насиліе архіепископу, и рѣшилась выломать главныя двери храма; но онѣ были очень крѣпки и заперты извнутри желѣзными запорами. Началась правильная осада: принесли рычаги, пускали каменными глыбами, разбитыя доски разлетѣлись,—и масса народа ринулась съ неудержимою силою, но прямо противъ нея появилась въ это время другая масса; всѣ перемѣнялись въ невыразимомъ смятеніи, груды раздавленныхъ тѣлъ покрыли середину и боковыя стороны храма, а воины довершали безпорядокъ, прибѣгая къ помощи своего оружія. Въ этомъ святомъ мѣстѣ раздавались только проклятія, угрозы и стоны;

иудеи и язычники, привлеченные сюда любопытствомъ, злословили при этомъ случаѣ христіанскаго Бога въ Его святилищѣ: много времени прошло. пока прекратилось это волненіе и храмъ очистился быть отъ мертвыхъ и умирающихъ. Этимъ же кончилось: во время описанной схватки собиралась одна изъ тѣхъ внезапныхъ бурь, которыя часто свершаются въ это время на Черномъ морѣ; направляемая къ городу сѣвернымъ вѣтромъ, она разразилась надъ храмомъ св. Софін, который, казалось, потряслся отъ верху до низу. Говорили, что небо и земля согласились между собой надѣлать этотъ несчастный день всѣми бѣдствіями. Уже народъ удалился и храмъ почти былъ очищенъ, какъ вдругъ блеснула молнія надъ каедрой, откуда архіепископъ проповѣдывать народу; потомъ пламя, поднимаясь по столбамъ хоръ, мгновенно распространилось по поголку и бокамъ церкви, и все зданіе было объято облакомъ искръ и дыма, разносимыхъ вѣтромъ. Но и этимъ не кончилось все. Пламя, гонимое изъ этого огромнаго горнила вѣтромъ къ югу, достигло зданія сената и грозило императорскому дворцу, образуя надъ площадью какъ бы огромный сводъ, подъ которымъ можно было, говорятъ, проходить безопасно. Отъ жгучаго жара свинцовая кровля куріи растопилась и ручьи свинца полились по зданію, раскалявая мраморныя колонны и обжигая статуи; золото, серебро, бронза—все металлы превратились въ безобразную массу пылающей лавы, и зданіе, лишенное опоры, мгновенно рухнуло. Едва успѣли отстоять императорскій дворецъ, а великолѣпныя строенія по сторонамъ площади были обращены въ пепелъ. Такъ погибли два прекрасные памятника, одинъ христіанскій, другой языческій, предметъ гордости новаго Рима. Безнадежны на возобновленіе въ такомъ же видѣ. Весь городъ былъ въ страшномъ смущеніи.

При видѣ всего этого, къ общей скорби присоединилось и суевѣріе, какъ всегда бывало въ это время. Когда рухнулъ въ пламени знаменитый хоръ Музъ, созданіе великихъ художниковъ Греціи, похищенный Константиномъ изъ Геликона, язычники съ отчаяніемъ кричали: «что дѣлать Музамъ въ наше несчастное время? они хорошо дѣлають, что оставляють насъ». Но когда позже отырыли въ развалинахъ невредимыми статуи Юпитера и Минервы, стражей воротъ храма, печаль превратилась въ радость: «такое зрѣлище, говоритъ одинъ языческій писатель, воодушевило сердца хорошими предзнаменованіями того, что боги положили никогда не удалять отсюда своего покровительства, и надежды снова возродились. А впрочемъ, прибавляетъ онъ съ горечью, пусть дѣла идутъ, какъ имъ угодно». Христіане, по крайней мѣрѣ сторонники Златоуста, также нашли нѣкоторое утѣшеніе въ одномъ чудесномъ фактѣ. Среди развалинъ храма и сосѣднихъ зданій уцѣлѣла одна только маленькая часовня, едва почернѣвшая отъ пламени; она составляла частную ризницу архіепископа, куда онъ положилъ самыя дорогія украшенія и сосуды церкви, слишкомъ богатыя для постоянного употребленія. Найдя эти священныя вещи цѣлыми въ невредимой часовнѣ и вспомнивъ, что похищеніе церковныхъ сокровищъ было однимъ изъ обвиненій, взведенныхъ на Златоуста на первомъ соборѣ, друзья его видѣли въ этой, дѣйствительно странной, случайности чудесное дѣло, которымъ Богъ хотѣлъ засвидѣтельствовать невинность преслѣдуемаго и безчестіе преслѣдователей. Двое изъ константинопольскаго духовенства—пресвитеръ Германъ и діаконъ Кассіанъ, приверженные къ Златоусту, тотчасъ понесли эти вещи въ императорскій дворецъ и требовали составленія подробной ихъ описи, которая и была составлена при Студіѣ—городскомъ префектѣ, Евтихіанѣ—престоріанскомъ префектѣ, Іоаннѣ—императорскомъ казначеѣ, Евстафіѣ—квесторѣ и

нѣсколькихъ нотаріусахъ, и притомъ въ двухъ экземплярахъ. Одинъ изъ нихъ остался въ рукахъ чиновниковъ, а другой, для большей безопасности, остался у Германа и Кассіана, которые на другой годъ отнесли его въ Римъ.

Когда въ Константинополѣ происходили всѣ эти дѣла, Златоуста вела, по дорогѣ отъ Халкидона къ Никее, преторіанская стража съ двумя епископами и нѣсколькими клириками, пожелавшими слѣдовать за нимъ.

Ю.

(Продолженіе будетъ)

